

Т-ЧХ джонъ тиндалъ.

ОФИЦІЙНО
ПЕРЕВІРЕНЕ.

УСІХИ ЗНАНІЯ.

Чіль читання при отворенні п'ядка Вратланського Одея-
стю від Великості.

від Білдинського.

С.-Петербургъ.

Типографія П. П. Меркулова, Графській пер., дім № 5.
1878.

4.212.2

164

ер

Ф

—
Ф
41-1

742

Ізмінено
відповідь

Ізмінено

Ізмінено

Ізмінено

Довжина панелю. Свт. 29 листопада 1971 року.

Лінійка

Еще въ до-исторических временах, ужъ перво-
бытного человѣка, побуждаемаго прошлымъ ини-
стижениемъ, стремился къ общему ищемъ въ
окружающей его природѣ. Того же самаго ини-
стиженья, упившися и увлекшися имъ посль-
дующими поколеніями, составляеть движущую
пружину всѣхъ изучныхъ наукоффий и нашего
времени. Подчинясь этому вліянію и наведен-
ные опытомъ, мы составляемъ изучныя теоріи,
уже выходящія за его предѣлы, по которымъ удов-
летворять страстию ума человѣческаго—найти
причинахъ всѣхъ естественнаго явленія. Составляя
себѣ понятия о происхожденіи вещей, наши перв-
ные исторические (безъ сомнѣнія мы можемъ при-
бавить до-исторические) предки съдили, и не-
сколько познавши ихъ умственными способностями,
подобному же методу. Они также подчинялись
вліянію опыта, но съ тѣою разницей, что опытъ,
лежащий въ основаніи ихъ умозаключеній былъ

почерпнуть не изъ природы, но изъ боязни близкаго къ нимъ — изъ боязни человѣка. Всѣ теоріи иль, вслѣдствіе этого, принимали антропоморфическую форму. Всѣ явленія въ природѣ происходили по волѣ сверхъестественнѣй сущностей, представившихъ, «при всѣхъ сокѣтъ могуществѣ не болѣе какъ подобія человѣка, отъ котораго они можетъ быть и произошли и всѣ страсти и стражданія котораго были иль присущи»⁷⁾.

Произрѣнія пустыя наблюденія и апелляція, эти первоначальные понятія не могли уже по прошествіи известнаго времени удовлетворять болѣе съвѣтные умы нашей расы. И въ самой глубинѣ драматичности мы уже встрѣчаемъ пѣвцомъ высокого дарованія личностей, которыхъ, выѣдлившихъ изъ толпы и отвергнувъ эти антропоморфическія понятія, стремятся отыскать смысль существующую между существами именемъ и его физическимъ принципомъ. Но, задолго еще до этихъ съвѣтныхъ усвѣдѣй разумъ человѣческаго, началь свою движеніемъ купечь и открыть дорогу философу; развились торговля, произошло скопление богатствъ, что дило возможность предпринимать путешестія и предполагать мышленію, и въ тоже время, путь извѣнныхъ способовъ ростъ воспитанныхъ приличныхъ ученіяхъ и потому разнообразно одари-

⁷⁾ Ньюе, „Natural history of religion“.

ныхъ и обладавшихъ разными способностями, дали быть только имъ истинной действительности. Въ тѣхъ странахъ, где торговля аристократія древней Греціи завела первыя сношенія съ посторонними союзниками, — тамъ впервые зародилась къ наука, искорененный и воспитанный свободомыслящими и сильными духомъ людьми! Предшествовавший этому породить имъ хорошо объясняется одною цитатою изъ Европы, приведенною Юмомъ. «Нельзя ничего изъ мѣръ ни слыша, ни благодушствия. Боги все изобретаютъ изъ любви; симѣшаются одну крайность съ другою, чтобы мы изъ сношенья свободныхъ и сокрушенія окаменѣти наше почтити и поклоненіе». Но такъ какъ наука не допускаетъ никакихъ объяснений основанныхъ на случайности и кипризѣ и ставить всѣ явленія природы изъ зависимости отъ постоянныхъ законовъ, то есъ развитіемъ первыхъ научныхъ понятий росло и желаніе изгнать изъ предѣловъ университета этого сознанія демональ и богочестія и положить изъ обновленія существеннѣйшии явленій больше соответственныхъ начали.

Задача, влючь изъ разрывшеною которой до этого искали на себѣ, была перенесена теперь на земную почву; укореніе перешло изъ предѣловъ интуиціи и чувственности въ область понятаго чувству; выяснилось, что для построенія идеи вселенной необходимо было иметь искогорные понятія о состав-

ныхъ си членахъ—«первыхъ начальахъ», какъ искъ опредѣлилъ извѣдѣтій Луирецій. Опять извѣдѣнныи опытомъ, воинки научной мысли привели къ болитой значеніемъ доцѣнѣи атомистъ и молекулъ, конечное развитіе которой было положено сть такою силою и пеношью илъ послѣдній стѣздъ Британскаго Общества. Быть союзникомъ мысли человѣческимъ долго витала сквозь этого ученія, прежде чѣмъ оно достигло той полноты и спрѣтности въ умѣ Демокрита *)—философа, который долженъ остановить на себѣ наше вниманіе. «Съ немногими изъ великихъ людей», говорить Ландсъ въ своей превосходной исторіи материализма, тѣль же жестоко обвишились исторіе какъ съ Демокритомъ. Но уродливъ образъ дошедшаго до насъ въ грѣбыхъ предыдущихъ вѣковъ состинѣть обѣ именъ никакого похотія—остается только одно изваніе «съмѣшавшагося философа»; между тѣмъ какъ предъ нами рисуются во весь ростъ фигуры личностей гораздо меньшаго значенія въ наукахъ. Ландсъ говоритъ, что Бэконъ высоко цѣнилъ Демокрита—подтверждѣніемъ этого живутъ и обижаны жемчу гому другу мистеру Свейдинту—ученому издателю и биографу Бекона. Послѣдній очевидно ставилъ Демокрита выше Платона или Аристотеля, хотя иль философіи «трехъ» и единились иль школами

*) Родился въ 467 г. до Р. Х.

и съ кафедръ торжественно провозглашалась про-
фессорами». Но не они, а Гензерихъ, Аттила и
варвары уничтожили антическую философию.
«Ибо въ то время когда разбилая порабъ челове-
ческаго знанія, эти легкія и блѣднущія шеки Ар-
истотелевыя и Платоновыя вѣдомости упѣхъши
дошли до конца, между тѣмъ какъ все бывше вѣ-
ковое пошло во дну и почти предвѣ забвѣнію».

Принципы, выраженные Демокритомъ, обнару-
живаютъ неизолебимый его антиподъ во всѣхъ
теоріяхъ, ставившихъ явленія природы въ зависи-
мость отъ каприза божества. Они включаютъ тѣ
следующіе: 1) Изъ ничего происходитъ ничего.
Ничто существующее не можетъ быть уничтожено.
Всѣ явленія происходятъ отъ соединенія и
разъединенія частицъ. 2) Ничего не происходитъ
новой случая. Всивое явленіе имѣть свою причи-
ну, отъ которой оно должно неизбѣжно пропойти.
3) Существуютъ только атомы и пустое простран-
ство; все прочее—одно понятіе. 4) Атомы безчи-
сленны и бесконечно разнообразны по формѣ; они
сталкиваются, и боязные движения и пруговороты
отхода происходящіе даютъ начало мірамъ. 5) Раз-
нообразіе во всѣхъ предметахъ зависитъ отъ раз-
нообразія состоящихъ изъ атомовъ—по числу,
формѣ и расположению. 6) Душа состоить изъ сво-
бодныхъ, гандкихъ, круглыхъ ятоже подобныхъ

составляющими огонь. Эти последние самые подвижные изъ всехъ. Они проникаютъ все тѣмъ и движение ихъ даетъ начало живущему милю. И такъ атомы Демокрита — пятые отдельно — не одарены чувствами; они соединяются подчинясь механическимъ законамъ; и не только органическия формы, но и вѣсъ чувственныхъ и умственныхъ явленія суть результатъ ихъ соединенія.

Великую извѣдку, — «удивительного приспособленія одной части организма другой и условій жизни», особенно же устройства человѣческаго тѣла, — Демократъ не пытался разгадать. Эпіедональ, — патура болѣе малая и поэтическая, нѣль понятіе о любви и ненависти между атомами, для объясненія ихъ соединенія и разъединенія. Эпійтіиъ этотъ пребыть въ ученихъ Демокрита, онъ выразилъ глубокую мысль, хотя и есть приземисто-фантатическихъ умозрѣній, что отѣчьющія своей цѣли соединенія (то есть такія, которые гармонируютъ съ окружавшою средою) по самой природѣ своей должны пребывать въ этой состояніи, между тѣмъ, какъ непрігодныя соединенія, лишенные подходящей среды, должны быстро исчезнуть. Такимъ образомъ, ученіе о «сохраненіи наиболѣе прігодныхъ», которое въ иные времена, не по одному только неясному догадкамъ, но на основаніи положительного знанія, пріобрѣло такое значеніе,

получило свое первое толкование: больше думать —
сочь льтъ тому изаждъ^{*)}).

Эпикуръ^{**)}), сынъ бднаго учителя изъ Самосъ, — слѣдующая выдающиця фигура изъ исторіи антическої философіи. Онъ изучилъ творенія Демокрита, слушалъ лекціи изъ Аѳинъ, потомъ вернулся въ Самосъ, и послѣ того путешествовалъ по разнымъ странамъ. Потомъ кончъ онъ окончательно поселился въ Аеппахъ, тдѣ купилъ садъ и окружилъ себя учениками, изъ среды которыхъ онъ велъ безупречную, спокойную жизнь и умеръ тихою смертью. Его ученіе было почти тождественно съ Демокритовыи; но онъ никогда не цитировалъ ни приговаръ, ни друзей своихъ. Гавании цвль Эпикура были — оскободить мръ отъ стечнрія и отрица смерти. Къ смерти онъ относился съ равнодушнмъ. Она лишаетъ насъ только способности ощущенія. Пока мы живемъ, смерти нетъ; когда есть смерть, — настъ нетъ. Въ жизни онъ тоже не живетъ зла, не находи его и въ смерти. Онъ почиталъ боговъ, но не по общепринятому способу. Чистое понятіе о божественной власти по его мненію воиншно человѣки. Но все же онъ училъ, что не тотъ безбожникъ, кто отрицаєтъ божества толпы, но тотъ, кто избратьть ихъ.

^{*)} Lange, 2-й ед. р. 23.

^{**)} Рол. № 662 до Р. Х.

Боги для него были вѣчными, бессмертными существами, блаженное состояніе которыхъ не допускало и мысли о какихъ либодѣй заботахъ или заботахъ. Жизнь природы или свою чредою изъ согласія съ вѣчными законами, быть великаго изыскательства со стороны божия.

По мнѣнію Лагардѣ отвѣщеніе Эпикура въ болѣль было губительное, въ чмъ обнаружились нравственніи потребности его натуры. Трудно, при帮忙тельномъ чтеніи исторіи и глубокомъ изученіи природы человека не подыткнуть этой нравственной потребности. Человѣкъ никогда не былъ удовлетворенъ и никогда не удовлетворится одною умственnoю дѣятельностью и ея результатами; и вътъ почёку однѣ физическіи науки не въ состояніи наполнить всю его жизнь, хотя исторіи всѣхъ попытка удовлетворить этой потребности можетъ быть характеризована въ общихъ чертахъ, какъ исторія однихъ забвведеній, заключавшихъ въ тѣмъ, что постоянно привыкалось подражанію, которое выходитъ съ маки, второе грубо, когда мы трубы и которое съ расширениемъ нашихъ способностей становится отвращеніе и возмущеніе. Въ одноять важность отвѣщенія умъ Эпикура былъ способенъ. Ось же окидать и не испытывать, ни на землѣ ни за гробомъ, никакой либо выгоды или награды за свое почитаніе божия. И это фактъ неопровергнутый, что часто

человекъ, одушевленный одной возлюбленной идеей, обрѣтаетъ высокое умственное спокойствие безъ всякой злой мысли о такой мысль. «Безъ любви я не быть умреть», — сказалъ мною одинъ великий человекъ, что наимѣнѣй разумъ одушевляетъ все видимое, то жизнь для меня стала бы пустынною». Человѣкъ, сказавшій эти слова, становится еще выше изъ иныхъ глядѣть, потому что что выѣзданіе это было выразительно душевною потребностью пристрастной гармоніи на землю.

Черезъ полгода, иная послѣ смерти Эпикура, Лукрецій написалъ свою знаменитую поэму «О природѣ вещей», въ которой онь, римлянинъ по рожденію, разглаголѣсть съ изобилованиемъ нароѣть ученіе своего предшественника тъ Греціи. Онь хочетъ обратить своего друга Менакія къ учению Эпикура; онь не можетъ объяснить ему никакихъ натрадъ и проселѣдуящею изъ цѣлъ составлять отрицаніе, но онь обращается къ нему... Цѣль его, какъ и у его великаго предшественника, — это испорченіе супружія. Принимая въ соображеніе, что люди того времени трепетали при всевозможныхъ явленіяхъ природы, видя изъ первъ одно проявленіе гибели богоизъ, и что за гробомъ тоже изѣбались изъ виду обычныхъ наукъ, то свободы мыслей отставляемаго Лукрецію полонителью могла побѣсти къ добру. «Этотъ умственный трепетъ и мракъ», говорить онь, «должны быть разъясни-

не единими лучами солнца и блескомъ дна, но подъгрѣвами на природу и ея законы». Онь отвергаетъ поистѣ будто изъ ничего можетъ что нибудь проходить, или что однажды получившее существованіе можетъ быть обращено въ ничто. Начала всего, атомы, разрушены и изъ конца концовъ все видимое можетъ раздѣбаться на нихъ. Всѣ тѣа—частью сами атомы, частью соединенія атомовъ; но атомы ничто не въ состояніи поглотить. Они въ несокрушимой отдѣльности и при бояль близкожъ соединеніи ихъ въ предметы дѣляются плотиѣ и пробрѣтаютъ твердость. Онь отрицаетъ безконечную дѣлительность матеріи. Мы поститаемъ иаконецъ втюхъ безъ которыхъ, какъ безъ прочнаго основанія, будетъ нарушенъ великий порядокъ изъ гармоніи и развитіи всѣхъ видимыхъ предметовъ.

Механическое измѣненіе тяготѣніе атомовъ, по его мнѣнію, вполнѣ объясняетъ происхожденіе всего существующаго, и онь отвергаетъ всѣкое другое участіе итъ устройствѣ вселенной. Взаимодѣйствіе атомовъ продолженіемъ бесконечнаго періода премежи могло дать начало всевозможныи синдикатамъ. Иль пакъ бояль пригодныя оставились,— не пригодныи же начали. Нижняя разумная тварь не участвовала въ расположеніи атомовъ по иль соотвѣтственнѣи жестянъ, риско и разъ принятыхъ ими движеніе не зависело отъ нихъ. Онь вѣку

они искались изъ пространства, вступив во всевозможные соединения и двигаясь по всевозможнымъ направлениямъ, пока наконецъ они не сгрупировались въ известную порядок, который и дольше началь снегъ последней. Эта грандиозная концепція приводитъ итожить, стремящийся изъ тинки по бесконечности пространству изъ бесконечныхъ периодовъ времени ищущага Канту его небуларную иштогу. «Если ты дойдешь до уразумѣй всего этого и сохранишь же умъ способъ то видеть, что природъ, озабоченная отъ своихъ гордынь властителей, создать все саки, быть пеянаго вышибательства, боготъ»^{*)}.

Несколько позже раздѣляю этиль трехъ философий, и тѣмъ временемъ мысль человѣческая неустанные работали и на другихъ направленияхъ. Софисты успѣли завершить свою карьеру. Въ Аѳинахъ появилась три школы,—Сократъ, Платонъ и Аристотель,—плакіе которыхъ еще чувствуется до настоящаго времени. Въ этотъ же периодъ была основана Александрийская школа. Евклидъ написалъ свои «элементы» и пытѣсть съ другими подчинить систему. Арифметикъ положила творю рабоча и начальная гидростатика. Пифагоръ производить свои опыты надъ гармоническими интервалами, между тѣмъ какъ астрономія была обогащена от-

^{*)} „Лекции“ издание Муро.

крытіями Гиппократа, за которыми сидовала, болѣе его прославленный исторію, Птоломей. Въ основыніи научной медицины положена была анатомія и изъ это же времія, по словамъ Драпера^{*)}, получила начальную письменнію. Въ дѣятельности, за это преже наука Грекіи училась избѣгать дремучій міръ отъ фантастическихъ образовъ богоіть, проявившихъ свою непріязнь въ извѣніяхъ природы. Она отказалась отъ этого безплодного блужданія во мракѣ оставшись однѣмъ «внутреннимъ съвѣтливымъ разумъ», отъ безупрѣчного стремленія превзойти опытъ и достигнуть посвященія комеческихъ причинъ. Выѣтъ слушавшаго она усвоила обдуманное наблюденіе, въ помощь чувствамъ были приг备ны инструменты и научный методъ достичь значительной полноты ть сведеній индукціи есъ опытомъ.

Что же остановило ея побѣдоносное шествіе? Что заставило духъ научнаго изслѣдованія проезжать подъ паромъ, подобно истощенной почѣ, въ продолженіи почти двухъ тысячелѣтій, прежде чѣмъ искъ возвращались необходимые элементы плодородія и силы? Беркъ уже указалъ искать одну изъ причинъ; Фель приписываетъ этотъ періодъ застою четырехъ разныхъ вліяній: тече-
нію мысли, рабству, нетерпности, духу скамы-

^{*)} Исторія античнаго развиція Европы.

тації, и силь приводить поразительные пражбры каждого изъ нихъ ^{*)}). Но эти наліки должны были иметь свои причины, вытекающія изъ условій времени. Ригъ и другіе города имперіи пришли въ нравственное расставніе. Желая христіанство съ его евангелиемъ мира, съ сю прощестью противъ безнравственности языка, выражавшою въ прінѣбрахъ строгой жизни и искущемъ. Страданія первыхъ христіанъ и необычайная участіонная экспанзія, давшая имъ силу посторождовать надъ сильми адскими потоками, должны были оставить неизгладимые следы ^{**)}). Они презирали землю въ окнданії «того храма Божія, того дома же руками людей построеннаго и въчнаго на небесахъ». Писаніе удовлетворишие ихъ духовной потребности было и ихъ изучныиъ водевіомъ. Когда напримеръ бывъ поднять зыяненітый вопросъ объ антиподахъ, библія для многихъ была единственнымъ ключемъ изъ его разрешенію. Со Августиномъ, жившій въ 400 г. по Р. Х., не отрицать круглой формы земли, но силь не могъ допустить возможности существованія обитателей на другой полушаріи земного шара, «потому что изъ писаний не упоминается о такомъ племени и чистѣ потом-

^{*)} Исторія подвиговъ св. ап. т. 1.

^{**)} Ригъ разуетъ кораблестроиіе кораблю этого корабль именемъ „Лютійскій“.

стии Адама». Архієпископъ Боніфасій упомянувъ при мысли о важности «существованія цѣлаго міра чудовищнихъ существъ, лишенныхъ участія въ спасенії». Сдерзинський также образъ науки не могъ быстро подняться впередъ. Наконецъ настали періодъ политической и теологической борьбы между церковью и светскими правительствами, съ такою силою очерченный Драннеромъ, иное способствовать еть тому, чтобы заглушить душъ научного исследования.

Часть Юнонъ высказываетъ благородныя и смѣлые мысли о душѣ среднихъ вековъ. Это былъ періодъ рабскаго уничиженія. Ихълюбители естествознанія забыли живой источникъ его изъ обращенія къ самой природѣ, изъ наблюдений и опыта, и предались переработки теорій скончавшихъ предшественниковъ. Это было время уничиженія мысли и господства одного авторитета, всегда подражающаго къ умственному смертию. Естественные события привнесли пытливую нравственность, выѣсто физическихъ причинъ; между тѣмъ какъ увлеческіе фантазіи,—важнейшѣе упинительныи чѣмъ иной спиритуализмъ,—заняли место икучнаго мышленія. За тѣмъ наступилъ періодъ средневѣковаго мистицизма, магіи, алхіміи и неоплатонической философіи, съ ся ловкими хотя и величайшими абстракціями, заставлявшими людей гищать свою тѣлою, какъ препятствіемъ въ

достижению небесного блаженства. Наконецъ явилась холистическая философія, представляющая по мнѣнію Лавіа, смысль же искренне архиста подложеній Аристотелемъ есть Западный христіаністъ. Результатомъ всего этого былъ полный умственній застой. Подобно птушку, блуждающему бѣзъ помисля изъ тумана, который думаетъ что соль поднимается впередъ, и посль многихъ часовъ утомительной ходьбы находить себѣ на привалѣ чисты, холисты, спутники и распутныхъ тѣхъ саны умы, то разбѣгая туманъ, то окружая себѣ иль, сюда возвращали на спиральную точку исхода по прошествіи стоянки.

Относительно господства Аристотеля въ средние вѣка, которое оно въ какой-то степени удерживало себѣ и до настоящаго времени, я поклонъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе. Когда ужъ человѣческій достигаетъ величія и обнаруживаетъ необычайную силу изъ какой-нибудь одной отрасли, наистѣни стремленію признать изъ нынѣ тикую же силу и по отнынешку во бѣздѣ другихъ отрасли. Такъ, богословы находили опору въ учченіе изъцѣли, что Пьютона заинтриговалъ вопросомъ объ «открытии», забывши тотъ фактъ, что изгнать изъ своихъ лучшіхъ годій и лучшихъ силъ своего ума совершило противоположному руку изгнаній, требовавшихъ и другіхъ дарованій, оно уже по этому самому было неспособно.

усиловать заниматься разработкою богословскихъ и историческихъ вопросовъ. Гёте, опираясь на свою уже устаканвшуюся славу поэта, а также и познаній ствіїа его положительныхъ открытій въ естествоznанії, произвелъ глубокое впечатлѣніе между Германскими художниками изданиемъ своего «Farbenlehre», въ которомъ онъ старается опровергнуть Ньютона теорію цветовъ. Нѣцѣсть этой теоріи казалась ему настолько очевидной, что онъ посмотрѣть на автора ея взять на шарманки и нападать на него по этому изъ самихъ рѣканихъ шарманкіяхъ. Въ отдачѣ естествоznанія Гёте дѣйствительно сдѣлалъ чѣсколько замѣчательныхъ открытій; и мы имѣемъ въсія основанія предполагать, что еслибы онъ вполнѣ посвятилъ себѣ этой отрасли, то достигъ бы въ ней немецкой высоты чѣмъ въ поэзіи. Гёте обладалъ замѣчательною способностью тонкаго наблюденія, улавливанія пыльнейшаго походику сплохъ, отдѣлывать и сообразной съ ними классификациію и группироніи фантогъ. Эти элементы научного изслѣдованія входятъ и въ образованіе поэта. Но съ другой стороны, ужъ столь богато одаренный для изслѣдованій по части естествоznаній исторіи, можетъ быть воинъ лишить способностей, требующихъ для науки чисто физическихъ и механическихъ. Гёте бывъ именемъ поставленъ быть эти условия. Онь не въ состояніи бывъ формулировать отдаленныхъ механическихъ концепцій;

сму недоступна была сила механической аргументации, и въ тѣль отрасляхъ, где все основывалось на такихъ разсужденіяхъ, оно имало наніи то *ignis fatuus* для своихъ последователей.

И иногда позволялъ себѣ сравнивать Аристотеля съ Гёте, признавая въ первомъ почти сверхъ-человеческую способность наблюденій и гипотирозовъ античн., по усматривая тѣль слабыя стороны въ его умѣ, которыхъ, по мнениюшому передъ отцемъ античн., обнаруживались и у Гёте.

Хочь относить проиахъ Аристотеля къ небрежному отношению его не въ фантазъ, но въ воображъ, склоннымъ къ этика фантазъ, тѣль напр. понятие о силѣ какъ о причинѣ пестаго механическаго дѣйствія, въ объясненіе которой приводится вместо того теница и въ длу неподуша разсужденія о пространствѣ и выраженія удивленія». Все это бѣтъ совсѣмъ естественно, но выраженіе «небрежное отношение» подразумѣваетъ одну только умственную разобщенность; тогда какъ причину заблужденій Аристотеля и Гёте, по моему мнѣнію, слѣдуетъ искать въ природной неспособности съ этой стороны. Аристотель какъ единѣль обнаружилъ самое худшіе недостатки, изъ которыхъ мы можемъ бы обвинить современнаго последователя этой науки,— недостатокъ идей, злоупотребленіе доказательной, которое проводило въ заблужденіе, что оно вполнѣ осилилъ свой предметъ, между тѣль книж-

у него не было въ рукахъ даже элементарныхъ о честь поштатій. Онь замыкаль суть дѣла—словами, объективное—субъективное. Онь пропонѣдали индукцію, самъ не приблизивъ ея къ дѣлу; онь измѣнили методъ наслѣдованія, переходя отъ общаго къ частностямъ. Онь изобразили себѣ вселенную въ видѣ замкнутаго шара, въ центрѣ котораго находилась земля и убралъ себѣ въ такомъ и весь міръ чуть не на 3000 лѣтъ, что всякихъ другихъ системъ вселенной не имѣлъ. Его понятія о движениіи были сообразъ шенуучимъ. Оно могло быть естественно или неестественно, лучше или хуже, спокойно или горячо — никакого правильнаго механическаго представленія обѣ ятомъ у него не было. Онь утверждалъ невозможность существованія пустаго пространства и доказывалъ, что еслибы оно существовало, то некое движение въ немъ было бы невозможно. Онь опредѣляли въ priotѣ сколько видовъ различныхъ животныхъ должно существовать, и доказывали на основаніи общихъ принциповъ почему у каждого животного должны быть извѣстные органы. Когда хороший современный ученый, дилетантъ отъ подобныхъ заблужденій, вспомнитъ о всѣхъ злоупотребленіяхъ этимъ методомъ, ему будетъ пожестна та решность, съ которой физикъ охраняетъ доступъ въ науку идей, основанныхъ на доказательствахъ, а priotѣ. Ошибки Аристотеля въ частностяхъ были также

сердца и многочлены. Онь утверждалъ, что только у одного человѣка бываетъ сердце, что лѣвая сторона тѣла ходить пропой, что у мужчинъ большее число зубовъ чѣмъ у женщинъ и что изъ задней, а не изъ передней части человѣческаго че-
репа находится пустота.

Существуетъ одно необходимое условіе физиче-
ского умѣрѣнія, погораго совершило были лишены
Аристотель и его послѣдователи. Я затрудняюсь
выразить его одиничъ словомъ, погорое бы не имѣ-
ло искаженій другихъ значеній; я подразумываю
способность представлѣнія изъ своего ума картину.
Нѣмы опредѣляютъ этотъ процессъ словомъ «vorstellen» въ выраженную изъ ума кар-
тику называютъ «vorstellung». Чтобы сдѣлать
сравненіе изъ отношеніи этой способности умствен-
ного представлениія, всьмѣнь для привѣра одного
изъ послѣдователей Аристотеля, который облас-
тиналь подыгать люди изъ иссѣкъ испаністю при-
роды изъ пустынъ въ Пасквіи, который для облас-
тиналь вопроса разности атмосферическихъ давленій
предложилъ восхожденіе на Пюи-де-Домъ. Объяс-
неніе изъ первої случаѣ не складывается изъ фи-
зическую картину; изъ второї рисуется лѣстничное
представлениіе опускания и подыманія барометра,
подъ влияніемъ двухъ противодѣйствующихъ и взаим-
ноющиихъ давленій.

Въ теченіи средне-блжеваго умственнаго за-

стия, господствовавшего въ христіанской мірѣ, проявляла сильную ристяжную дѣятельность Арабская раса, какъ это релько очерчено у Дронера. Со времени вторженія Мавріи въ Испанію порадочь, соратность, образованность и ученійность заняли място ихъ противниковъ. Пораженный болѣзнью христіанской посѣлениемъ искалъ спасенія у алтаря святаго, Мавръ же прибѣгъ за помощью къ образованному врачу. Арабы переводили греческихъ философій, но ии когда не переводили греческихъ поэтовъ. «Ихъ религиозное чудство и стеченный характеръ внушили имъ отвращеніе къ разгуру нашей кавказской мифологіи и побуждали въ нихъ негодование на сопоставленіе развратнаго Олимпійца Юпитера съ Высочайшимъ Богомъ, которое хвалило имъ страшныиъ непростительныиъ богохульствомъ». Дронеръ прославилъ свое давне чѣть Фаль-слѣда пррабскихъ словъ о прошлаждесіи многихъ нашихъ научныхъ терминовъ, и даже одна изъ существенныхъ частей драматической оды до сихъ поръ удержала свое пррабское напитаніе. Онь приводить прымѣры изучихъ открытий арабскихъ ученыхъ, оставившихъ особенно на Альгамбрѣ, который былъ первый непранившій ошибочное Платоново понятіе, что лучи солнца идутъ отъ глаза. Онь открылъ атмосферическую рефракцію и доказалъ что мы видимъ солнце и луну, когда они уже зашли. Онь объяснилъ на-

линое увеличение луны и солнца и сокращение вертикального диаметра этих телъ, когда они у горизонта. Ему известно, что плотность атмосферы уменьшается отъ верхнихъ слоевъ и сюда даже опредѣлить высоту ея на 58^{1/2} миль. Въ книжкѣ Вѣты Мудрости, она объясняетъ силу между тяжестью атмосферного воздуха и его увеличивающейся плотностью. Онь показываетъ, что есть такого виду тѣла, будуть различныи отъ разрѣваемъ и скученномъ воздухъ; сила разсматриваетъ силу съ которой погружаются въ жидкость тѣла, поднимаются черезъ бѣлье шокную среду. Онь знаетъ учение о центрѣ тяжести и примѣняетъ его къ исследованію тѣсноты и болѣтины. Онь признаетъ силу притяженій, но дѣлаетъ ошибочное заключеніе, что сила есть извѣнится какъ самое разстояніе и пренижаетъ ее за паденіе чисто земное. Онь понимаетъ отношеніе между скоростью, пространствомъ и временемъ паденія тѣлъ и имѣть некое понятіе о капиллярной притяженіи. Онь совершенствуетъ устройство гидрометра. Определеніе плотностей разныхъ телъ, сдѣланное Альгазиномъ очень близко подходитъ къ определеніямъ нашего времени. «И погибъ приносимо», говорить Драперь, изъ благочестивой житіи Альгазина, «чтобы въ день суда Милосердый Богъ помиловалъ душу Абура-Райхана за то, что онъ первымъ изъ всего рода человѣческаго составилъ

таблицу удивительныхъ явленій». Если все это историческиѣ иѣро (и я совершенное полагаюсь на д-ра Дропера) то оноѣ дѣйствительно можетъ за-лять, что Европейская литература систематическиѣ гнускала изъ виду все, чѣмъ мы обязаны находе-таниемъ въ научномъ отношеніи *).

Подъ конецъ этого періода застопъ какъ-то усталость мысли, если я могу тольѣ выражиться, охватила умы людей. Христіанскому миру диску-чала философская школа съ ею склоннѣровеніемъ, которая ни къ чему не приводили, но оставили умъ тѣмъчкоѣ тупинъ. Кое гдѣ слышалася голось погорѣлькоѣ пылающѣй тѣ пустыни, — сие къ Ари-стотелю, не къ гитроунской (ипотезѣ, не къ церкви, библіи, или сѣльному преданию). Можемъ мы обращаться если хотимъ посматрѣть вселенную, по-же наученію самой природы, путемъ наблюденія и опыта.) Въ 1543 г. появилось составившее эпоху сочиненіе Коперника о движении тѣль небесныхъ. Естественнымъ послѣдствиемъ этого было полное разрушеніе замкнутой въ себѣ вселенной Аристотеля съ ею землею въ центрѣ; и слова «земля движется» сдавались какъ бы звукомъ свободныхъ людей мысли. Коперникъ былъ канони- никомъ Фрауенбургской церкви въ Энгельбергѣ.

*) Дропер. Исторія ученнаго развиція Европы. Томъ II стр. 36.

спасовать. Въ продолженіи двадцати трети лѣтъ онъ спрятался отъ съвѣта, посвятивъ себѣ разработкѣ своей великой идеи солнечной системы. Онъ утверждалъ ее на изчинахъ «семинакъ» и даже для тѣхъ, которые боялись ее и искали ей поденія, сила ей была настолько очевидна, что они оставили ее премы свои нападенія. Книга Коперника показалась изъ послѣдній годъ его жизни; разсказываютъ, что старецъ получать ее изъ ябконо-дней до своей смерти и послѣ того очистилъ миръ.

Италійскій ученикъ Добралло Бруно былъ одинъ изъ первыхъ последователей новой астрономіи. Възмѣвъ прижѣль Лукреціи, онъ съвѣтилъ идею бесконечности міръ, присоединивъ къ неї ученіе Коперника, онъ построилъ свое грандиозное обобщеніе, что неподвижный ава-дра тѣ же солнца, да бесконечность множествъ раздѣляемыхъ въ пространствѣ съ своими спутни-ками, стоящими изъ пимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ какъ наша земля изъ солнцу или луна изъ земль. Это было уже громадное и многозначительное расширеніе кругозора науки; но Бруно стала еще ближе къ современному научному взгляду. Оста-новившись на задачѣ происходенія и развитія организмовъ и глубоко вдумавшись въ нее, онъ привелъ къ заключенію, что природа въ своемъ творчествѣ не подражаетъ творчеству человѣка. Ея

способъ былъ способомъ постепеннаго развитія. Никакое постороннее вмѣшательство не участвовало въ образованіи всѣхъ тѣхъ бесчисленныхъ формъ, въ видѣ которыхъ представляются наше матеріи; она порождается эти формы одною способомъ внутреннюю жизненную силу. Матерія же пустая, ничего не породжающая среда, никакъ представить ее способы, но всмѣрнала быть, иль утробѣ второй природы не существуетъ.

Этотъ способъ выживающейся человѣкъ былъ сначала доминиканской конфесіи. Обвиненный же броси онь дѣлъ бѣгъ блокѣть, укрываясь изъ Женевы, Парижъ, Аугсбургъ и Германіи. Въ 1592 г. онь попалъ изъ рукъ венецианской инквизиціи. Онь долго находясь изъ заключенія, его судили, лишили всѣхъ правъ, отрѣшили отъ церкви и передали въ руки савойской власти съ просьбою обойдтись съ нимъ снисходительно и «непроливая кровь». Это значило, что его сгубившо свечь; и сожженъ онь бѣгъ дѣйствительно 16-го февраля 1600 г. Чтобы спастись отъ такой же судьбы, Галилей 33 года спустя отрекся стоя на колѣниахъ съ руками положенными на скамьи евангелия отъ гелиоцентрическаго ученія. Послѣ Галилея живя Кеплеръ, которой изъ своего германскаго отечества могъ безстрѣшно бороться съ могучею силой за Альпами. Подготовленія такихъ образомъ задача перешла къ Ньютону, который

сигналъ тѣмъ эти вынужденіе звонка сокинъ привносятъ тяготенія.

Въ теченіи среднихъ вѣковъ якожитическое учение помысловому склону сошло со сцены. Но всѣлье обратиться оно удержалось между людьми, но ни первое, ни сеятъ не были приготовлены къ допущенію его. Развѣ только въ 1349 г. оно получило опредѣленное выраженіе, за вѣтрымъ менеджено же послѣдовало вынужденное отреченіе отъ него; подъ влияніемъ такого противодѣйствія оно продолжало дрожать до сего вѣка. Гобса и Декарта, сюда пригласить его изъ жизни.

Аналитическіе и синтетическіе склонности ума человѣческаго обнаруживаются въ продолженіе всей исторіи, при чёмъ неактѣе писателей раздѣляются между двумя этими гогорѣніями. Люди возвышающіе чуткость съ умомъ, достигнувши облагородившіе воспитаніемъ созерцанія природы какъ цѣлиго, у которыхъ поэтому преобладаетъ спирѣе христианскаго, а не разсужденіющая способность, склоняются на сторону синтеза; между тѣмъ взынѣзывающіе отбѣхть лучше требованіямъ ума, стремящихся къ математической точности и определенности. Вѣрованія одной стороны обыкновенно были облечены въ одну изъ формъ пантенезы, между тѣмъ какъ другая—предполагала отдышино стоящаго Творца, дѣятельность которого извѣз-

богре или мене чисто чистої характеру *). Господи приде ли вонъ быть причисленъ къ которой либо иль иже. Развѣ призналъ идею божества, иль величия начала иного, боясь оставлять ее въ сторонѣ и затѣмъ путемъ привыкнія заводить иль отождѣть выводы отсюда лично посты жизненныхъ явленій. Всѣ, сотворившій поду и землю, растенія и животныхъ, первично созидая опредѣленное число атомовъ, вторые и были зародышами всего существующаго во вселенной. Съ этого момента начались же тѣ бесчисленные процессы соединенія и разложенія, которые имѣютъ иѣ此刻 теперь и будуть продолжаться въ бессрочность. Начало всякаго измѣненія заключается въ самой матеріи. Въ искусственныхъ произведеніяхъ действующая сила не имѣть ничего общаго съ обработываемымъ материаломъ; въ производимыхъ же природы действующее начало составляетъ первозданную и самую жизненную чисть самого матеріала. Такимъ образомъ отъ сильы минахъ, не нашееки ни себя ни духовнаго, ни светскаго порицанія, опередилъ самаго

*) Всѧкъ предполагать себѣ исключительно подъ страсбургскими часами, съ польскимъ есть вонъ стоящіи мастеромъ. Тѣхъ же воспоминать:

„Den sieht die Weltin Judent zu bewegen,
Natur in sich, sich in Natur zu bewegen“.

Такъ изложено въ одинъ часъющіи замѣткѣ у Барбера.

Дарожки. Та же самая идея, которая привела къ уединению Творца отъ вселенной, побудила его и отѣшить тѣло отъ души; хотя онъ прописываетъ первому такое наслѣдіе, что душа оказывается почти излишнею. Умственныхъ увеселеній, по его мнѣнію, хватило одного материальнаго мозга. Умственная болѣзнь — мозговая болѣзнь; но безсмертный разумъ стоитъ ить стборомъ и не въсю не можетъ покинуть никакой болѣзни. Ізлечение умопомѣшательства зависитъ отъ разогревания инструмента, а не отъ исцелителя.

Можетъ быть не одно образованіе, но и глубже лежащее склонѣ въ сходствѣ умственнаго строя двухъ людей въ состояніи объяснить то единство, которое обнаруживается между только что изложенной идеей Гессенда и мыслями, которыхъ выражала профессоръ Кауль Максуэль въ заключеніе своей великолѣпной лекціи, читанной имъ въ прошломъ году въ Брайдордѣ. Согласно изложенному обеихъ ученыхъ атомы, представляющіе, если и понимать вѣрою, обработанный матеріалъ, приготовленный Божественнымъ Стройствемъ, единица единомѣрности даютъ начало всѣмъ явленіямъ материальнаго мира. Впрочемъ итъ способъ изложения Гессенда и Максуэля можетъ быть замѣчанъ одна разница. Первый изъ нихъ продолжаетъ, второй выводить свое конечное начальо. Въ своихъ обработанныхъ атомахъ профессоръ Максуэль вы-

ходить основание выхода, который дает ему возможность достичь высоты философского мышления, считавшейся недостижимой санью Кантомъ, и перепагнать отъ именемъ къ ихъ Творцу.

Бекоъ, Декартъ, Гобесъ, Лоль, Шютонъ, Бойль и ихъ последователи признавали въ ци-
ловъ и въ чистотихъ атомистическое учение, когда «аконецъ открытие химического закона «простыхъ отношений» доставило возможность Дильтону придать ему совершенное иное значение. Въ наше время теорія эта стоитъ твердо, хотя и иметь отступничество. Только тѣль или два тому назадъ, сэръ Уильямъ Томсонъ съ пытательною прозорливостью спряталъ опредѣлить величину ато-
мовъ, или скрѣбъ, крайніе предѣлы ить разрывъ; между тѣль лежь прошлогодня ленція Бильансона и Максуэля доказываютъ пленіе этого учения за передовыхъ деятелей спиритуальной пур-
ти. Какое участіе приложаютъ эти атомы ить ско-
сить произвольность движений и покоя по отноше-
нию къ жизни составляетъ предъектъ глубокихъ извучныхъ познѣданій. И сомніплюсь ить пра-
вильности тѣхъ выводовъ Максуэля; но нельзя не сочувствовать той теплотѣ иранетицкаго чув-
ства, которое примикуто заключеніе отъ зекіт. Его описание колеблемости именемъ отличается чисто Лурреціевскии величіемъ: «Естественные причины постоянно стремятся, если не къ опи-

чательному разрушению, то не изменило бы существующую строй и разнобои земли и всей солнечной системы. И хотя бы от течеи язвы произошли или произойдут катастрофы в мородзаниях, хотя бы прошлые эпохи были разрушены и изъ обломков ихъ создались новые, — чистища, изъ которыхъ построены все эти миры, — краиногольные памяти материальной вселенной — никогда не разрушаются и всегда сохраняютъ свою прѣдѣльную.

Девяносто лѣтъ спустя послѣ Гессенда, учёного философскаго орудія, такъ оно можетъ быть называемо, приобрѣло огромное значеніе изъ рукъ самого Ботлеръ, который изъ своихъ знаменитыхъ «Аналогій Рамигіа» различилъ съ своей точки зрения и съ необыкновеннымъ искусствомъ ту же самую мысль. Ботлеръ до сихъ поръ оказывается въхождѣю къ многимъ высокото развитымъ людямъ; и нынѣшнія его воспоминанія нашего вниманія. Онь проходитъ рѣзкую черту между нашей личностью и нашими физическими орудіями. Онь никогда, сколько я помню, не употребляетъ выраженіе «душа»; потому можетъ быть, что это слово было также забыто въ его времи, какъ и за многое поколѣній до него. Но онь употребляетъ выраженія: «живицкая сила», «созидающія способности», «единицющія тягкія», «наше личное я» — отъ томъ же смыслъ, какой эта придастъ слову «душа». Онь

останавливается на томъ фактѣ, что хотя бы мы лишились всевозможнаго членорѣ и наше тѣло подверглось смертельной болѣзни, умъ нашъ останется въсѧ почти до самой минуты смерти. Ось указываетъ при этомъ на суть и обкоркъ, когда дѣятельность «живѣнныхъ силъ» приступаетъ, по никакъ не уничтожена. Для него также легко представить себѣ возможность бытія въ нашого тѣла, какъ и въ чешуѣ, изъ которыхъ сокращать постѣдовательно всевозможнаго членорѣ оболочки, разложеніе которыхъ не бѣлье можетъ способствовать въ уничтоженіи нашего личнаго я и лишить насъ жизненныхъ способностей — сознаній и дѣйствій — чѣмъ разрушеніе всякаго постороннаго предмета, способнаго къ возбужденію лишь чисточувственныхъ инстинктовъ, или которымъ мы можемъиться въ обыденной жизни». Въ этомъ и заключаются основные идеи гипноза: «наши тѣлесныя органы», говорить онъ, «на столько же чистъ наше сознаніе, какъ и вѣроподобнѣе наше предметы». Въ доказательство этого онъ приводитъ въ прибрѣзгъ очки, которыхъ совершенно подобно глазу «приготовляютъ предмета для воспринимающей способности». Глазъ самъ по себѣ не бѣлье воспринимать изъ зачѣтѣній, чистъ очки и по отношенію къ наше представляются такое же постороннее для наше орудіе. «И если процессъ зреіла одинаково съ дѣйствіемъ очковъ,

то шутить аналогии можетъ быть сдѣлано однократное заключеніе и оба изъ прочихъ чуствъ.

Лукрецій, какъ видѣлъ изъстию, привелъ къ совершеню противоположную заключенію. И для насъ будетъ не безъинтересно, чтобы онъ могъ разобрать на разсужденіи епископа. Такъ изъ обратнаго разбора этой стороны предмета имѣть призывъ отнѣшніе къ разъясненію одного весьма важнаго вопроса, то и позволю ученому Лукрецию^{*)} сдѣлать попытку опровергнія епископа, а затѣмъ прѣсть спросить отвѣтъ ему тѣмъ же, имѣя въ виду поставить къ сотрудническое положеніе самого Лукреція. Пусть каждый изъ нихъ свободно высказываетъ свое мнѣніе, и мы будемъ посредниками между ними.

Допуштъ этоѣ можетъ выражаться въ сдѣлующемъ:

«Всегда ваши, достопочтенный предатъ, если его подвергнуть испытанію ужаснаго представления (Уестблану) окажется недоступнымъ для множества умовъ. Вы говорите о «живущихъ слахъ», о «испортившющей способности», о «изменѣніи»; но можете ли вы образно представить изъ сапогъ умъ которую либо изъ этихъ способностей, либо отъличности отъ организма, изъ которыхъ проявляется ихъ дѣятельность? Испытайтъ

^{*)} Уважь Тадеушъ подтверждаетъ себѣ.

Другъ, верю.

себя добросовестно и скажите: въ состояніи ли
имъ сдѣлать такое представление. Истинное я при-
сутствуетъ въ каждомъ изъ частей; нынѣ опредѣ-
ленное место, разбѣ не должно фю обладать и
боронить? Если такъ, то какою же формою? Могли
ли вы составить хотя миллиардное о ней пред-
ставление? Когда у человека отнимаютъ ногу, тѣ-
ло его состоять уже изъ двухъ отдѣльныхъ ча-
стей; туда же присутствуетъ теперь я—ъ обѣихъ
или изъ одной изъ нихъ? Эона Ахтискій мочь-
бы сказать что изъ обѣихъ; но вы же скажете
этого, потому что ширастесь на присутствіе со-
ставлія изъ одной изъ нихъ для доказательства, что
другая часть представляеть посторонній предметъ.
Составляеть же постому *сознаніе* необходимый
племянъ истиннаго я? Если такъ, то пять
объясните вы тѣль случаѣ, когда все тѣло ли-
шается сознанія? Если иѣть, то на какихъ осно-
ваниихъ отказываете вы избѣгнутою честь этого я
каждому изъ членовъ? Для меня очень странно,
что отъ начала до конца вашей величайшой
книги (и книго же преисполнится бѣлья моя по-
ртъ ея трезвою правдою) вы ни разу не упоми-
наете о головномъ мозгѣ и первої системѣ. Вы
начинаете съ одного конца тѣла и доказываете,
что можно отнять его части, не наруши суща-
щей способности. Что, еслибы вы начали съ дру-
гаго конца и избѣгто ноги отдѣли бы головной

могъ? Тыло какъ и прежде было бы раздѣлено на дѣль части, но обѣ они находились бы въ одинаково затруднительномъ положеніи, и ни одна изъ нихъ не въ состояніи была бы доказать имъ, что другая составляетъ посторонній предметъ. Или, не заходи такъ далеко, какъ отданіе самаго головного мозга, пусть будуть сняты небольшія часть его костной оболочки и мягкое мозговое вещества подвергнуты легкому давлению, то прекращающему, то возобновляемому изъ кратчайшихъ промежутковъ времени. При каждомъ давлении способности восприиманія и действия совершенно исчезаютъ; съ прекращеніемъ же давления они возвращаются. Куда девается та промежутокъ давлений оставляющая способность? Миръ научился разъять несжимимо испытать ударъ большой Лейденской батареи; я ничего не чувствую, но въ продолженіе извѣстнаго промежутка времени всѣкое сочинительное существованіе мое было парализовано. Гдѣ было мое истинное и изъ этого промежутка? Люди, отлученные ударомъ молота, остаются изъ этого состоянія еще дольше; а изъ обычновенныхъ случаяхъ сотрясекъ мозга такое безсознательное состояніе можетъ продолжаться искольку дней. Гдѣ же бываетъ сажь человѣкъ изъ этого безсознательнаго періода? Вы можете сказать, что я упускаю изъ виду одно обстоятельство, представляющее себѣ подобный случай: человѣкъ

могъ быть все это времѧ иъ подножъ сознаніи, но просто не помнить случившагося съ жизнью. Быть отвѣтъ на это я могу только сказать, что притянуть уловишия сознанія и памяти самаа умственная пытка, когда либо изобрѣтенный эпаптизмъ, не были бы страшны для насъ. Мечтается, что наша теорія тѣлесныхъ орудій далеко не исчерпываетъ предметъ. Въ рукахъ у телеграфиста орудія, посредствомъ которыхъ съ разговариваетъ съ цѣлью міровъ; тѣло наше обладаетъ первою системою, которая играть такую же роль по отношенію къ нашей сознавшей способности и иными предметами. Перерѣзьте у телеграфиста его проводку, разбейте его батарею, размагнитите его стрѣлку: этимъ путемъ, конечно, прерываетъ его сообщеніе съ жизнью міровъ; но уничтоженіе этихъ орудій не падаетъ на человѣка, действовавшаго ими. Оно остается жизнью, и вместе чѣмъ она осмысль. Что же въ нашемъ организме, спрашивашо я, соответствуетъ этому сознательному бытію дѣятствующаго лица, когда мозговая батарея на столько разстроена, что производить безопасніе, или когда она совсѣмъ уничтожена?

«На меня сильно вліяетъ еще одно соображеніе, которое мы можемъ быть считать ничтожнымъ. Электрический можетъ прийти въ болѣзнишое состояніе и тогда самый правдивый человѣкъ

можетъ превратиться изъ разириатина и убийцу. Мой благородный и уважаемый учитель подъ конецъ своей жизни, какъ замъ изыскано, замѣтилъ признаки низкихъ стремленийъ изъ своего мозгу — результатъ дѣятелій спидобій его речиной жизни; и скорѣе чѣмъ подвергаться сипености испужденія отъ этихъ унизительныхъ инстинктовъ, онъ предпочелъ убить себя. Какъ могъ Лукрецій поднять изъ себя руку, еслибы онъ оставилъ тѣльце ис, чѣмъ бывъ прежде? Въ состояніяхъ ли можетъ дѣятствовать такія неординарныя образы, независимо отъ бессмертнаго разума? Если изъ состоянія, то онъ представляетъ двигатель, требующій только надлежащаго уравновѣщенія, чтобы съзироправильно дѣятствовать съ полной правильностью, и изъ какою разумъ не предвидится никакой надобности. Если же онъ не въ состояніи, тогда вашъ разумъ, по своей предной дѣятельности, при помощи разстроеннаго орудія, является источникомъ злочинныхъ безобразій и преступлений. Я полагаю, если вы живъ позволяйте сказать это, что ваше опредѣленіе значенія нашаго тѣла можетъ быть источникомъ самыхъ первъянныхъ послѣдователей. Если вы станете разсматривать головной мозгъ съ той же точки зрѣнія, какъ шапку или очки, будете находить и прилагать при этомъ всѣ его тайны, полное соотвѣщеніе, то подст立即щее между его состояніемъ

и напечь сопапемъ, тутъ фактъ, что легкій избытокъ или недостатокъ крови не можетъ произвѣсти самый обморокъ, о которомъ вы говорите, и что по отношенію къ всему наша пища, питье, выдыхаемый воздухъ и тѣлесное упражненіе имѣютъ преобладающее значеніе—ущадніе же виру всѣго этого живъ кажется даетъ воротъ къ нарушению строя всей нашей обыденной жизни, а въ некоторыхъ случаяхъ можетъ породить и разжечь ту самую болѣзнь и болѣзнь съ явленіемъ быть умственное разстройство, которое при帮忙ѣ правильной цѣнѣнкѣ значенія этого чистоиничного органа можно было бы пабѣжить».

Я представлю себѣ, какъ задумался бы спикеръ послѣ этого разсужденія. Онъ былъ неспособенъ допустить пришельца гибнаго чувства къ диспуту подобнаго рода.

По здравому размышлѣнію и добросовѣтной цѣнѣнкѣ приседавшихъ фактона, я могу предположить, что спикеръ держалъ свою рѣчь въ такихъ словахъ: «Вы пожмете, что я аналогію реалігіи, о которой книга вы тоже любезно отозвались, я не брался ничего доказывать въ абсолютномъ смыслѣ и что я извѣсльно разъ посторонилъ мысли о значимости нашего знанія, или скорѣй глубинѣ нашего знанія, по отношенію къ существѣ вселенной. Я пыталъ же виду показать можно ли доказать действия, описываемыя съ такими

распоряжением всъ красоты и благодати природы и си Верховнаго Правителя, по которыи въ то же время относятся къ такимъ пакождьемъ въ христіанской идеи, что они поставлены на одинаковыхъ условияхъ съ нами и что на вское затрудненіе которое они подать у насъ, мы можемъ указать равносильное съ иной стороны. Темъ я, съ нашего разрѣшенія воспользовавшись этимъ же способомъ аргументаціи. Ры сажи послѣдователь Луcreціа, и основывающе на различныхъ комбинаціяхъ и разъединеніяхъ способъ происходенія всѣхъ земныхъ предметовъ, включая органическія формы и вымысленныя или измѣненія. Позвольте мнѣ высказать съ сего началь,—насколько я готовъ съдововать имѣть со мною. Я допускаю, что молекулярная сила можетъ создавать кристаллическія формы; что прошедшіе такимъ образомъ вліять, известно, симметрия гефада по истиинѣ удивительныхъ произведеній. Я иду дальше и допускаю, что даже дерево или цѣлого могутъ быть организованы этими способомъ. Если вы укажете мнѣ хоть одно лишнее чувственной способности инопланетное, я то же согласенъ допустить, что оно можетъ образоваться вслѣдствія дѣятелія популярной силы.

«До сихъ поръ путь быть открытый, но теперь является препятствіе. Ваши атомы, отдельно взятые, лишены всякой способности чувствовать и

разумния. Попробуйте же теперь разрешить въ эту задачу. Возмите ваши мертвяные атомы из-дорода, инелорода, углекислоты, азота, фосфора и весь другій мертвяныи кипъ ширини дроби атомы, которые входитъ въ составъ вашего мозга. Вообразите ихъ стоящими отдельно и линейками всѣй чувствительности; наблюдайте за тѣмъ какъ они сбываются въѣхъ и группируются во всевозможныя соединенія. Это, какъ чисто механической пропасть, доступно умственному тѣлесу. Но въ состояніи ли вы видѣть, или представить въ свояхъ воображеніяхъ какъ изъ одного этого механическаго дѣйствія, изъ этихъ тѣхъ отдельности безжизненныхъ атомовъ можетъ возникнуть сознаніе, мысль и чувство. Вѣдь говорите о трудности умственного представляемія тѣхъ мыслей случаѣ; но легче ли это въ гипотезѣ? И то же не совсѣмъ лишней той способности умственного представлениія (*Vorstellungskraft*), о которой мы говоримъ. Я могу представить движение частицы мускуса до обонятельного нерва, я могу представить себѣ движение звуковыхъ волнъ, пока они не достигнутъ лабиринта и не приведутъ къ движению охважмы и кортиесы пальца, и могу видѣть какъ полны фанта проникаютъ въ глазъ и падаютъ на синеватую оболочку. Но даже боясь, въ состояніи проелѣтѣть эти движения, получивши свое начало у периферіи, до своего центральнаго органа и видѣть маслено вѣкъ

нибрюють самы частицы головнаго мозга. Весь эти физические процессы доступны моей проницательности. Что останавливает меня, что я не могу представить въ своемъ воображении, что стоять выше моихъ способностей — и выше зашихъ, я осмыслиюсь приблизить — это волшебе, что отъ этихъ физическихъ сокращений происходятъ такія несомнѣтимыя съ ними явленіемъ какъ ощущеніе, мысль и чувство. Вы можете сказать или подумать, что эти два понятія, — происходеніе сознательной способности и становленіе якомъ, сознательны не менѣе того, чѣмъ понятія о появленіи солнца и содѣяніи водорода съ кислородомъ. Но я проигнорирую ваше и всѣмъ для объясненія именемъ случай себетоваго аклена. Блескъ съѣти — дѣло вашего сознанія; объективное же представленіе его — холебаніе зопра. Онь только блескъ нашему истолкованію. Вы же сами и представляете ту причину видимой несомнѣтимости этихъ двухъ понятій, и я положительно не въ состояніи разгадать съѣть. Почти лишнимъ будетъ напоминать, что то же самое затрудненіе встрѣтилъ и великий Лейбницъ, и чтобы избавится отъ этого чудовищнаго желанія источника жизни изъ смерти, онъ замѣтилъ наши атомы склонны къ виданію, иъ которыхъ отражалась вся вселенная, и группировка и интеграція которыхъ давали началь

всъмъ—какъ умственнымъ, такъ и чувственнымъ явленіемъ жизни.

«И такъ вы готовы допустить, что встрѣчаюте на своемъ пути трудности не меньшіе моиъ... Вы же въ состояніи удовлетворить человѣческій разумъ по его требованіи логической последовательности, въ переходѣ отъ материальной матеріальности къ явленію сознанія, и обѣ эту склону неизбѣжно должны разбиться материализъ, если онъ всегда либо предъявляетъ свою прію, какъ полный сводъ жизненной философіи. Въ чёмъ же право ученіе всего этого, мой Лукреціанецъ? Мы съ вами врядъ ли позволимъ чувству гибна встать верхъ надъ собою при разсужденіи *объ* этихъ высокихъ предметахъ, которые даютъ такой просторъ для честного несогласія во мнѣніяхъ. Но есть люди, обладающіе меньшимъ благоразуміемъ и большою итернацисткою (и гибкю это со всѣмъ синрепіемъ) въ обоихъ лагерихъ, которые всегда готовынести заобу и худу въ подобные диспуты. Есть напримѣръ писатели въ наше время, пользуясь извѣстностью злопамѧть, которымъ не стыдио высказывать мнѣніе, что «глубокій личный триихъ» великаго логика *) составляетъ причину его неизбѣжнаго богословскаго догму. И находится другое, утверждающіе, что мы, которые такъ дорожимъ

*) Языкъ говорится о Милѣ.

записью пыткою «бibleю» слившуюся во единство драмы написать притчу и по наследству — съ написаньем, должны быть наследствене этого неизрѣбимо ханками и лицембрами. Но дадимъ же посторожествовать этимъ людямъ, сохранивъ несокрушимую вѣру, что все зурное къ справедливое изъ обомъ нашихъ наѣніяхъ уцѣльется изъ пользы человечества, между тѣмъ какъ все зурное и злкое исчезнетъ бесследно».

Достойно замѣчанія, что изъ однѣхъ отношеній на Батлеръ вполнѣ отразился господствующій духъ его времени. Еще задолго до него, свойства души были такими популярными предметами разсужденій, что когда студенты парижского университета хотѣли узнать направление какого нибудь иного профессора, то просили его прочитать лекцію о душѣ. Незадолго до епископа Батлера, вопросъ этотъ не только возбуждалъ интересъ, но былъ значительно расширенъ. Люди съѣздаго ума, выступавшіе на этой поприщѣ, увидѣли, что съ миѳомъ убѣдительные изъ ихъ доводовъ одинаково пригнѣпились какъ къ человѣку, такъ и къ животному. Доводы епископа имѣли тотъ же самый характеръ. Онь замѣтилъ и призналъ это, и не страшася послѣдователей, съѣло включить весь животный миръ въ свою схему.

Епископъ Батлеръ признавалъ не полублескъ хронологію Вѣтхаго Завѣта и писалъ объ ней,

что все подтверждается лишь естественными такъ и политическими исторіи міра,—основанными на античныхъ, на письмованихъ состоянія земли и на послѣднихъ открытияхъ въ науки и искусствахъ. Эти слова уже обличаютъ прогрессъ, хотя они могутъ показаться несколько устаревшими современнымъ представителями египетской власти *). Считаю почти за лишнее уточнять, что поле деятельности естествоиспытателя помнитъ съ тѣль поръ громадное расширение—создавшее для науки геологія, съвѣжшия изучительныя открытия исторіи древней жизни земли. Геологи и палеонтологи разгадали загадку происхожденія каменныхъ породъ, начиная отъ чаубинъ суб-камбійскаго періода до толщ покрывающихъ дно современныхъ морей. И события запечатлены на страницахъ этой замечательной книги,—асбіе и твердо несть писаніе исторій—переносить умъ изъ бывшаго глубина прошаго. Все это уже стало известно и пришло въ настоящее время; но приходитъ первоначальномъ обнаружениі, эти истини науки встрѣтили громкіе порицателей, которые привели не только себѣ ихъ воспринимаемыи съ научной точки зренія, но и о нихъ предвожь вѣд-

*.) Не только античны, потому что даже тѣль существуютъ прогрессъ утверждаютъ, что зора земля не быве въ стоячій матеріи, приготовленной для чистоты или санкрайности міра. Первымъ еще до сихъ поръ не примили землю вслѣдъ.

ніж въ отношении правдивости и религії. И пакъ изъ семяніи плевла выростаютъ тѣни плюща, такъ и эти недовольные расплетаютъ по-коуду себѣ подобныхъ, — всегда готовыть пакъ зять ту же нетерпимость и то же неизбѣжство; — и если торжествующихъ, то на короткое время, что бы снять подвергнутые неизбѣжному пораженію. Ведь сознанія наступить премъ когда человѣческая природа, хотя наука и не можетъ удовлетворить всѣхъ ея законамъ требованіемъ, найдеть себѣ лучшіхъ истолкователей чѣмъ эти безразсудные и неравнодушные люди, которые всегда были готовы противостоять каждому новому открытию науки, или опасенія заключать въ томъ царствѣ, которое они привыкли считать своимъ.

Послѣ первыхъ извѣдованій, число этихъ оз-
мѣнѣніи формъ, могъ ли одареннѣй жизнью, раз-
рослось до такой степени, что потребовалась иль
капсуляціа. Скоро выяснилось что только самыи
простые органическіи формы находились въ са-
момъ низу и что по жѣрь подъемъ къ верхнимъ
солнѣи встрѣчались болѣе совершенныи формы.
Наклоненія эти варочкѣ не шли съ строгою по-
степенностью: то встрѣчались рѣзкѣ, то болѣе
слабыи переходы отъ формъ къ формѣ. «Разрѣзъ
солнѣи», говорить м-ръ Гѣсанъ, «по сту-
полющию можетъ обнаружить до дѣсятати раз-
ныхъ видовъ пакънитъ, изъ однихъ изъ которыхъ

не переходить за предѣлы своего известнаго поля, неистинка или лжи». Въ виду такого фантастического явления является вопросъ: подчинились ли эти формы, обнаруживающія несомненное, хотя и сопротивляемое чистыми перерывами и непрекращающимися, признаки послѣдовательного разви-
тия, какомунибудь постепенному закону роста и измѣненія? Еслибы выше посчитаніе имѣло стро-
го научный характеръ, или было удалено отъ
всѣхъ,—хотя и исключающихъ умъ чудесами изъ
другихъ отрасляхъ, во которыхъ принимаются хи-
рактеръ пренятій когда они являются контро-
лями при физическихъ наслѣдникахъ,—то науч-
ная мысль никогда бы не оставила своихъ неиз-
менной законъ роста и не уклонилась бы отъ
антропомор-
физическими теоріями, подбрасывающими въ каждоѣ послѣдовательность геологическую словъ каную то
рабочую скамью, на которой подсыпались первые
виды, не имѣющіе ничего общаго съ предшество-
вавшими имъ.

Зарожденіе предразсудками школы, большин-
ство естественноспытателей приближало къ идеѣ от-
дельнаго акта творчества, чтобы объяснить по-
явление каждой новой группы организмовъ. Безъ
сомнѣнія было много людей съ познаніемъ поглядывая
на вещи понимавшихъ что подобное объясненіе
самоѣ не достигало цѣли, а напротивъ представляло
попытку обойти одну трудность вопроса, изо-

депеемъ въ него другой, еще большей. Но такъ какъ они съ своей стороны не въ состояніи были предложить никакого иного толкованія, то по большей части вовсе не подымали голоса. Но при всѣхъ томъ, мысль различныхъ людей науки естественно и нѣжѣбно должна была встать окою этого вопроса. Профессоръ Геккелъ, указавъ на De Maillet, бывшаго сподвижникомъ Плютона, какъ на человѣка уже «жившаго полютъ объ измѣненности живыхъ формъ». Во времена многихъ частныхъ риаготоронгъ съ покойнымъ евреемъ Бенедиктъиномъ Бреди, членомъ высокого научнаго ума, и често слышатъ отъ него, что еще въ 1794 г. лѣтъ Чарлзъ Дарвинъ былъ его предшественникомъ на этой пострицѣ. Въ 1801 и посѣдующихъ годахъ, знаменитѣй Ламаркъ, позирѣй кото-
рого изложенія авторъ *Vestiges of Creation*, произвѣла тѣ обществоѣ такое впечатлѣніе, ста-
рался доказать что размноженіе видовъ зависитъ отъ
перемѣнъ въ прыщахъ и во вѣнчикахъ услови-
хъ. Въ 1813 г., докторъ Уальтеръ, основатель со-
временной теоріи росы, читалъ въ королевской
обществѣ мемуаръ, въ которому, по выражению
Дарвина, «съ положительностью признавать прыщахъ
естественнаго подбора; и это было первое опре-
дѣленіе признанію его».

Законченность и искусство, съ которыми Уальтеръ
выполнилъ свою работу и независимость его харак-

терь давно уже привлекали меня къ нему; и даже было особенно приятно услышать такое подтверждение моего мнѣнія о его проницательности. Профессоръ Гранть, Патрикъ Метью, Фонъ Бутъ, авторъ «Les Vestiges de la creation» Д'Аль и другіе *) изложили своихъ боязъ или мнѣніе лежать и правильныхъ позорный по этому вопросу обнажили, что умственное брошеніе на этотъ извѣніи началось за долго еще до 1858 года, когда м-ръ Дарвинъ и м-ръ Уоллесъ одновременно, но совершенно независимо другъ отъ друга, представили свои посыпи следами позорного на разсмотрѣніе Линнеевъ общества.

За этия междурами послѣдовалъ въ 1859 г. выпускъ первого издания «Происхожденія видовъ». Всѣхъ великихъ вещь не легко поняться на сіѣть. Конверникъ, какъ и яко вѣль сообразить, обдумывая свой троиційскій труда въ течениіи тридцати трехъ лѣтъ. Нынѣтъ имѣть въ уму свою идею тиготнія, выродженій почти двадцати лѣтъ; почти столько же времени таилъ онъ въ себѣ теорію диморфизмъ и только известіе, — что Лейбніцъ шелъ по его слѣдамъ, заставило его опубликовать ее. Дарвинъ двадцать два года тру-

*) Въ 1855 г. Герберта Спенсеръ (Начало Философіи т. 1 стр. 465) высказалъ мнѣніе, что живъ во всѣхъ съ формами есть раздѣлъ материальной жизни, при содѣяніи такъ называемыхъ естественныхъ причинъ.

лился подъ зданием прохожденія видеть и онь
надѣлъ свой трудъ только увидѣть, что Удалось
проглянуть туже цѣль ^{*)}). Изданіе это сочиненіе
представляло единственный, во всѣмъ силы и яс-
ности опитомъ это работѣ. Книга эта была дѣл-
ко не легкая и прѣдѣлъ ли одинъ изъ двадцати,
принесшихъ за ея изученіе, прочель ее же кон-
ца, или прочитать, иъ состояніи быть вполнѣ
уверить себѣ ея значеніе. Я не говорю это съ
цѣлью оскорбить него жибудь; потому что въ то
время было нѣсколько замечательныхъ ученыхъ,
стоявшихъ подъ тяжкихъ предрѣзудкѣвъ, готовыхъ
принять всевѣдѣ научное извѣрженіе, если оно со-
провождалось фактами и дополнительствами, но ко-
торые совершиенно не понимали взгляды Дарвина.
На самомъ дѣлѣ книга это нуждалась въ истол-
кователѣ; и таинъ явился м-ръ Гѣнелл. Я ини-
чию не знаю по чисто научному изложению,
чтобы могло пройти его первыя статьи о про-
ходженіи видовъ. Онь разбиралъ самыя выдаю-
щіяся стороны предмета, обогащая свое изложеніе
глубокими и оригинальными замѣчаніями, часто
сосредоточившись на однѣхъ мысляхъ выраженій,
въсѣхъ доводъ, распыляющіхъ у другого на вѣ-
сомыхъ страницахъ. Но вонта сама по себѣ

Глава 111 (14)

^{*)} Позадея Голлана при этомъ случаѣ бывъ, въ лѣтѣ 1846ъ, въ Алагорадо.

нигя эта оставляет впечатление, которое не въ состоянии передать никакое даже самое ясное толкование ея; это впечатление громадного затраченного на неё труда, какъ наблюдения такъ и мысли. Видимъ же ея основные начала.

Всеми признано, что нарожденія такъ называемыхъ измѣнений никогда не превращаются. Это правило почти безъ исключений. Ни одинъ цыпленокъ и ни одно дитя не представляютъ поистине сходства съ своимъ братьями или сестрами:—въ этихъ отличіяхъ мы уже имеемъ зачатки измѣнений. Ни одинъ естествоиспытатель не въ состояніи предсказать въльно: пойдетъ это измѣнение, но большинство въ упрѣнно, что никакие внутреннія ни пѣтихъ вліяній не въ состояніи произвести такихъ отличій въ потомствѣ одного и того же родича, чтобы они сдѣлались разностоюности. Задача зоучнаго опыта состоять въ подразумѣваніи усвоеній природы и въ доказаніи еи же результатовъ; и потому методу слѣдоватъ Дарвинъ. Онъ познакомилъ со всѣмъ, что можетъ иссомнѣнно способствовать тѣмъ измѣненіямъ. Онъ принадлежалъ къ обществу охотниковъ голубей—покупать, выращивать, разводить у себя и наблюдать иную новую породу. Хотя все эти голуби принадлежали одному виду, но представили такое разнообразіе формъ, что ни одинъ орнитологъ, погорожу заранѣе было сказано что это дикихъ

птицы, не затруднился бы причислить иль въ разнѣхъ рѣзко-отличающиихъ виды». Простой принципъ, которымъ однажды руководствуются и го-лубатый охотникъ и скотоводъ состоятъ: въ вы-борѣ чайки ныбудь отличающейся особи и иль рас-пространеніи этого отличительного признака иль по потомству. Постоянно имѣя въ виду тѣтъ принципъ, который съѣзжаетъ усыпить, съѣзжаетъ соот-вѣтственныій подборъ въ послѣдующихъ вымѣджахъ, и такимъ образомъ постепенно изброяя его, дости-гнать породительскихъ отклоненій отъ пиданго-тии. Человѣкъ съ вѣсель слушавъ не создаетъ же-лѣній; онъ только цѣльствуетъ иль и наконецъ путемъ подбора, доколѣ не будеъ достигнуть жѣ-лѣній результатъ. «Никуто не подумалъ бы», го-ворить юръ Дарвинъ, «создать трубчатого го-луба, пока же увидѣть голубя съ иѣхоторую осо-бенностью иль развитіемъ клюса, или дутыша, не засѣсть прежде голубя съ особенно развитыми лобогъзъ. Такъ же образомъ, природѣ достъ только сълѣбое умѣніе, человѣкъ действуетъ согласно съ-минъ, и на основаніи закона наследственности усиливаетъ отклоненіе».

Удостоеніишиесъ несомнѣнными фактами, что организація вида животнаго твари и растенія (по-тому что тварь же способъ прымѣнить и къ расте-ніямъ) до иѣхоторой степени обладаетъ пласти-чностью, онъ переходитъ отъ изѣжистій формы подъ-

последиа приручениа къ измененіямъ производи-
мымъ самою природой. До сихъ поръ мы видѣ-
лило съ накопленіемъ мелкихъ измѣнений путемъ
сознательного подбора человѣкъ. Можетъ ли сама
природа производить подобный подборъ? На это
мѣрь Дарвинъ отвѣтствуетъ: «безъ всякаго сознѣ-
нія можетъ». Число находящихся живыхъ су-
ществъ значительно превосходитъ то, которое въ
составлѣніи проспоримъ; вслѣдствіи таго въ извѣст-
ной мѣрѣ ить жизни должна пройти борьба
за существованіе; и какой же неизбѣжный резуль-
татъ этого? Еслибы каждый организмъ въ отно-
шениіи силы и ловкости быть совершеннымъ по-
добіемъ другаго, то выживіе сильнѣихъ бы
результатъ такой борьбы. Но на дѣль мы видимъ
другое. Тутъ мы видимъ тотъ же фактъ измененія
формы въ зависимости отъ выбора природы, какъъ
противъ случаѣвъ, что было въ распоряженіи че-
ловѣка; и тѣ формы, которыхъ менѣе всего приспособ-
лены въ борьбу, съ окружающими условиями, неиз-
бежно должны уступить свое место другимъ — болѣе
пригоднымъ. Но сторона воспроизведенія въ
борьбѣ опять расположена до излишка, передавая
своему потомству тѣ же самыя качества, которыя
доставили ей победу, но передавая ихъ въ разной
степени. Начинается опять борьба за пищу и тѣ ого-
би, въ которыхъ въ избыткѣ перешли эти благо-
приятныя особенности, опять находить ить въ по-

бъдителями. Легко забыть, что изъ этого случай нарожденіе благоприятныхъ для индивидуума признаковъ проходитъ съ большою силой, чмъ при условіяхъ приручения; потому что природа не только отвергаетъ непрігодныя формы, но уничтожаетъ ихъ. Дарвинъ называетъ это— «всесторонній подборъ», дѣйствіе котораго проявляется въ сохраненіи и накопленіи мелкихъ измѣненийъ, переданныхъ путемъ наследственности къ каждое изъ которыхъ оказывается полезнымъ для сохраняющагося живѣть съ имъ организма». Идея эта проникаетъ и охватываетъ послѣ того громадный запасъ фактоій, собранныхъ имъ въ другими наблюдателями. Если только намѣренію не закрыть глаза, вслѣдствіе болезни или предвзглядки, то нельзя не видѣть что Дарвинъ затѣсняетъ неизображаемые, но дѣйствительные причины явленій, нельзя также прощупывать безъ вниманія тотъ фактъ,— какія громадныя измѣненія могутъ быть достигнуты путемъ естественного подбора, иъ достаточно продолжительные періоды времени. Каждое частное отклоненіе формы можно уподобить «динамерическому» математику— бесконечно малой величинѣ; но какія рѣзкія измѣненія можно пропасть интегрированиемъ этихъ бесконечно малыхъ величинъ, вытекающихъ громадныхъ промежутковъ времени.

Если Дарвинъ, подобно Бруно, отвергаетъ учение творческой силы, дѣйствующей по способу че-

жизни, то это же потому, чтобы ему были известны все тѣ удивительные приспособления, существующія въ природѣ, на которыхъ была основа эта идея. Въ его книгѣ собраы самые поразительные факты этого рода. Возьмите напримѣръ приведенное у него удивительное наблюденіе Кристера, надъ цвѣткомъ орхидіи устроеннымъ на подобіе ведёрка съ пчелами. Пчелы садятся на цвѣтокъ: собирая питательную для сокъ суть онъ сталкиваются другъ друго въ ведёрко, отъ кула промеж нихъ послѣ этого въбасиданной замыслѣ они выбириаются наружу чрезъ щелочки; при этомъ они трются спинкой о липкое рыхлые цветки, и къ ней пристаетъ часть клейкаго вещества, затѣмъ при дальнѣйшемъ движеніи защищаютъ тычинки, при чёмъ въ спинкѣ также пристаетъ извѣстная часть цвѣтковой пыльцы, которую они и уносятъ съ собою. «Когда пчела перелетаетъ на другой цветокъ, или вторично садится на первый и опять сталкивается со своими товарищами въ ведёрко, то при ее выходѣ наружу, плодотворная пыль изъ ее спинки непремѣнно должна прийти въ соприкосновеніе съ рыхлостью; и такимъ образомъ производится оплодотвореніе этой орхидіи». Или возьмите другой примѣръ *Cainsetum*. «Пчелы, прилетающіе на этотъ цветокъ, неизбѣжно должны задѣть имѣющейся на немъ длинный, тонкій къ концу и весьма чувствительный выступъ. Этотъ

аппаратъ отъ тяжкаго прикосновенія приводить къ сокращенію изгибистую перегонку, которая изгибающе разрывается, освобождая освобожденную пружину, отъ удара которой шарикъ цѣлковой пыли вылетаетъ какъ стрѣла изъ лука въправомъ направлениѣ и пристаетъ своимъ днищемъ концемъ къ спинѣ пчелы». Такимъ способомъ распро-страняется пыльца этого цветка. Отъ сюда мы видимъ, что умъ обогащенный всѣми фактами, на которыхъ послѣдователи идеи индивидуального творчества глядятъ образцомъ основываютъ свое ученіе, явиася и первыми, противникомъ его, изъясняютъ стремленій объяснить всю эти чудеса есте-ственными причинами. Они обнаруживаютъ, по его мнѣнію, жготъ природы, а не технику «человѣко-подобнаго» дѣятеля. Красота природы пред-ставляетъ результатъ естественнаго подбора. Тѣ же птицы, которые оглашаются арте пыльзывающи-ми красками по фону зеленої листвы, занятые другими, выше посыпаются наѣкомыши, чаще опходотворяются и потому сохраняются въ есте-ственномъ подборѣ. Ярко окрашенныя ягоды также спорѣ призываютъ вниманіе птицъ и животныхъ питавшихся ими, которые разбрасываютъ ихъ семена съ своими изверженіями; вслѣдствіе чего деревья и кустарники, обладающіе такими ягодами, тоже имѣютъ преимущество въ борьбѣ за существова-ніе.

Съ глубокими аналитическими и синтетическими искусствами. Даренія разглаголять истины побуждающей пчелу строить свои ячейки. Ось употребляется при этомъ предстаіительный методъ. Ось переходитъ отъ болѣе совершенного въ менѣе совершенному инстинкту — отъ пчелии тулья къ шмеля, у которого собственная незадача замѣняетъ суть, и иконецъ къ проектированнымъ по инстинкту классамъ пчель, старясь при этомъ показать пчель совершаются переходъ, отъ менѣйшей степени развилія къ вышней. Сбереженіе воска составляетъ одну изъ главныхъ стопроцентно-экономического быта пчель. Предполагаютъ что для выльяния одного фунта воска необходимо отъ десятидцати до пятнадцати фунтовъ салару. По этому количеству пектора потребленія на воскъ должно быть троюродно, и иское усовершенствованіе строительного инстинкта, ведущее къ сбереженію воска, сопряжено съ самыми благотельными результатами изъ жизни насѣкоінаго. Время которое уходило на приготовленіе воска, можетъ быть употреблено на заготовку линінго запаса меду. Ось переходитъ отъ шмеля, съ его грубыми ячейками, къ *Melipona* съ ея болѣе искусными постройками, и иконецъ къ удивительной архитектурѣ пчель. Пчелы помѣщаются въ разныхъ одна отъ другой разстояніяхъ на воскѣ и выражаютъ совершение различныхъ прорѣзаній

ная простоты и избранныхъ точекъ. Эти сферические пустоты пересекаются, плоскіи пересеченийъ иль зайдыкаются тонкими перегородками, и такимъ образомъ составляются шестиугольныи ячейки. Такой способъ разсмотрѣнія подобныхъ вопросовъ можетъ быть названъ, представительнымъ, иль уже было выше замѣчено мню. Остается ить концу болѣе совершенное и сложное. Даринъ начинаетъ съ наименѣе совершенного и простаго, и проходить иль чрезъ всѣ фазы постепеннаго усовершенствованія, постоянно увеличивая итогъ цѣлаго ряда бесконечно малыхъ памѣній; оно извѣститъ образомъ разъяснять наши сбоянія и заставлять вѣсъ соглашаться съ ини, что наиболѣе совершенное произведеніе, отличающе итогъ прогрессивнаго ряда, должно быть результатомъ естественнаго подбора.

Даринъ не обходитъ трудностей; при своемъ всестороннемъзнакомствѣ съ предметомъ, во всѣхъ направленияхъ проникнутою его мыслью, онъ знаетъ лучше всякаго иль своихъ критиковъ тѣхъ слабыи равно какъ и сильныи стороны своей теоріи. Это еще не илью бы большаго значенія, еслибы ничего утвержденія науки временна научной истини, онъ стремился бы только къ скоро преодолицей побѣдѣ дилеттина въ диспутѣ. Онъ же старается скрыть свою слабость мысли; напротивъ прилагаетъ всѣ старанія, что бы иллюстрировать

иъ съ наиболыше веностю. Его громадныя умственныя силы даютъ ему возможность бороться, съ возраженіями не толькою своими собственными, но и своимъ противникомъ; и тъ концъ концовъ читатель вынесетъ впечатлѣніе, что хотя на первыхъ письмахъ нельзя дать положительные отвѣты, но что они же сокращаютъ его выводы. Въ виду параллельнаго дѣйствія этихъ выражений, еще сильнѣе оказывается на вѣсъ вся та масса фактическихъ доводовъ, которые онъ приводить. Этая обширность заявленія, въ соединеніи съ уѣзжаніемъ пользоваться фактами, и дѣйствіе Дюнина такимъ опаснымъ противникомъ для его опьянѣтъ. Многіе талантливые натуралисты вели съ имъ долгую и упорную критическую войну — не всегда съ цѣлью строгой и разносторонней оценки его теоріи, но съ единственностью — выставить только есъ слабыя стороны. Но это не раздражаетъ его. Ось рассматриваетъ каждое направленное противъ него возраженіе, съ тѣмъ спокойствіемъ и основательностью, которымъ могъ бы позавидовать самъ спиконъ Бйтлеръ; дополнія каждыя приведеннай фактъ относившися къ нему подробнѣстямъ, отводятъ ему надлежащее иѣсто въ ряду другихъ и вообще выясняютъ его настоящее значеніе, трудно уловимое при его изолированной постѣнкѣ. И все это оно дѣлаетъ безъ всякихъ проказъ раздражительности. Его движеніе по всемъ

выражениемъ разбираемаго предмета, можно сравнивать съ безстрастною силой динамика дедушка; растяжение горныхъ породъ тоже иногда можетъ найти свой первообразъ въ логическомъ уничтожении его оппонента. Но хотя при разработкѣ этой могучей темы, силь и подавилъ ть себѣ пеклое проявление человѣческой страсти, существуетъ еще другой родъ чувства, обнаруживающагося въ человѣкѣ при открытии какой нибудь истинѣ, и оно то често придаетъ яркость краски и теплоту естественности выведенійъ изъ подъ пера Дарвина. Успѣхъ его былъ великъ, хотя это предполагается не только однѣ основательность его труда, но и готовности общества къ восприятію подобныхъ открытій. Но поконду этого во мѣрѣ оставилъ сильное впечатлѣніе одно замечаніе судимое Агасекомъ. Самъ погождѣнъ рода theologъ, этотъ замечательный человѣкъ до конца своей жизни испытывалъ теорію естественнаго подбора. Одно изъ чистыхъ гашеній сидѣлъ съ нимъ въ Соединенныхъ Штатахъ происходило у ж-ра Уинтропа, на его прелестной лачѣ въ Броклии около Нью-Йорка. Окончивъ завтракъ мы все, какъ бы подчинились одной мысли, остановились передъ окномъ и продолжали разговоръ, занятый еще во время стола. Кленъ былъ во всей своей осенней красотѣ; и прелестная картина открывавшаяся передъ нами возвлѣзъ на мѣрку, сливаясь въ одно цѣлое съ

темою нашихъ разсужденій. Академія обратилаъ къ окружавшемъ и сказалаъ сердечно почти съ грустью: «признаюсь вами, я не ожидалъ чтобы это учено было такъ признано лучшимъ умами нашего времени. Успехъ его превзошелъ мои ожиданія».

Мы перенесемъ время нашихъ обобщеній. Теорія происходженія видѣть только одно изъ нихъ. Другое—захватывающее еще большій кругозоръ и глубочайшаго значенія—это учено о сохраненіи энергіи, конечно же и научные результаты втораго еще ясно соединяются теперь; до сихъ поръ не подозривали какъ гравитации предѣлы его все подчиняющаго налінія— отъ всякаго посягательства оно требуетъ предшествующей причинъ, отъ всякой причинъ соотвѣтствующее ей посѣдѣстїе, оно смыкаетъ всѣ жизненные" рано или поздно и физический наліній изъ общемъ подчиненіи тому закону природной силы, который, поскольку ужъ человѣческій могъ прорѣтъ тайну природы, проникаетъ всѣ ея явленія. Задолго еще до появленія вскинь опытыныхъ исследованій, существовало живое о постоянствѣ и неразрушимости матеріи, которое было подтверждено всѣми посѣдѣющими опытами. Идея эта, практиченная и начатая къ неорганическому циркулю, скоро охватила и всю органическую природу. Было доказано, что хотя растительный миръ получаетъ свое питание изъ неживыхъ источниковъ, оно не изъ состояний созда-

вать имень силы, ни материю. Матерью его составляла по преимуществу претворенный воздухъ; силою его была преобразованная солнечная сила. Было доказано, что животный жицъ тоже не обладает творческою способностью и что источникомъ его динамической силы является горячіе излучающіе вещества.

Взять въ цѣломъ, дѣятельность каждого животнаго имѣла свое начало въ дѣятельности составлявшихъ его частей. Мускулы представляютъ хранилище силы въ состояніи инерціи, пока ей не погаснетъ наружу жары, и тогда она проявляется въ мышечныхъ сокращеніяхъ. Определена была скорость передачи впечатлѣній нервами и оказалось, что она не только не соответствуетъ скорости прохожденія света или электричества, какъ предполагали, но даже медленѣе полета смысла.

Всё это было работой физика; взять наступить періодъ торжества антитома и физиолога, определившихъ строеніе каждого животнаго и назначеніе каждого органа во всѣхъ биологическихъ родахъ, начиная отъ низшаго зоонта до человѣка. Нервная система сдѣлалась предметомъ постояннаго и достойчиваго изученія, при чёмъ все болѣе выяснялось то чудесное и въ основахъ своеи таинственное господство, которое она имѣть надо всѣми пропавшими организмами, быть физическими

такъ и умственныи. Мысль человеческая неудер-
жимо возвращалась къ этому предмету, богатому
также глубокой значеніемъ. Кроме физическихъ
сторонъ жизни разработанныя Дарвиномъ, ости-
валась еще ея психическая сторона, съ подобными
же градаціями и одинаково требующа разъяснѣ-
нія. Какъ объяснять мы разные степени и видо-
измененія ума? Гдѣ поиски начало развитія этой
тайничей силы, высшее зенито превышеніе
которой составляетъ фигуру? Такіе вопросы, хотя
и не привлекавшіе вниманія общества, занимали
многихъ мыслителей и были категорически поставлены
однимъ изъ нихъ еще до появленія «Про-
вежденія видовъ». Рассказывая таюю массу ин-
теріаловъ собранныхъ трудахъ физикъ и физио-
логъ Гербертъ Спенсеръ, двадцать лѣтъ тому
назадъ, старался построить на этихъ началь-
ныхъ систему психологии; и вотъ уже два года какъ
появилась второе, значительное дополненіе, изданіе
его сочиненій. Кому знакомы прекрасные опы-
ты Плато, тѣль помнить, что если два шарика
одинакового мыла плавающіе въ водѣ, растворъ
алькоголя одинаковой плотности съ мыломъ, бу-
дутъ сближены, то они не сливаются совсѣмъ не
въ одинъ. Около каждой иапли поиндикому обра-
зуется тонкая оболочка, за разрывъ которой слѣ-
дуетъ ихъ немедленное слияніе въ одну. Сущест-
вуютъ организмы, жизненные процессы которыхъ

имеютъ такой же чисто физический характеръ, какъ и взаимодѣйстіе дѣйствія мысленныхъ иашель. Они приходятъ въ соприкосновеніе и сливаются въ одинъ организмъ. Начинаю съ подобныхъ организмовъ и переходя потомъ въ другія вышшаго развиція и тольѣ дальше къ постепенною последующей градациіи, Спенсеръ ведетъ свое логическое разсужденіе. При этомъ должны быть взяты въ соображеніе два очевидныхъ фактора — существо и среда въ которой оно живетъ, или — въ другомъ требительномъ выражениі — организмъ и его окружающее. Спенсеръ признаетъ за основной принципъ, что между этими двумя факторами происходитъ нестопннное взаимодѣйстіе. На организмъ постоянно действуетъ окружающая среда, и онъ наѣвается согласно ея требованиямъ. По этому Спенсеръ опредѣляетъ жизнь, какъ «постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ пифитнн».

Въ высшихъ организмахъ вся поверхность тѣла обладаетъ въ некоторой степени осязательныи чувствомъ; затѣмъ, вслѣдствіе воспринимаемыхъ извнѣ нечтатнй и знаніемъ яии внутренннго прымѣженія къ ихъ требованиямъ, известныхъ части поверхности становятся болѣе чувствительными къ возбужденію; но пѣрѣ другія чувства еще только изъ начаточнхъ состояній и единственнѣ представители иихъ являются осязательными спо-

собирать, из которой еще Деконкритъ, за 2300 лѣтъ до наст., призначалъ родоначальника всѣхъ про-
чихъ опущеній. Съѣть же началь проявляє свое
действіе только въ нарушениі порядка изъ химич-
ескихъ процессовъ живаго организма, подобно тому
какъ это бываетъ изъ листьевъ растеній. Посте-
пенно это вліяніе соединяется изъ множествъ
многихъ пигментныхъ пілочкахъ, болѣе чувствитель-
ныхъ къ сѣру, чѣмъ окружающіе ихъ пыльчатыя
ткани. Глазъ находится теперь тѣмъ зачаточномъ
состояніи, и едва лиѣтъ различать впечат-
ленія сѣра и тѣни отъ близъ стоящихъ непро-
зрачныхъ предметовъ. Такъ какъ изъ большей чи-
сти случается, непрозрачный предметъ, поглощаю-
щій сѣтовой лучъ, находится при этомъ изъ са-
момъ близкому разстояніи отъ глаза и почти со-
прикасается съ имъ, то зрѣніе изъ этомъ фазы
развитія неизвѣтъ характеръ «упрежденія ослы-
нія». Между тѣмъ приварованіе органа продол-
жается: начинается лѣгкое издутие эпидериса надъ
вршинками пигментовъ; начинается возникненіе хру-
сталика, и путемъ такихъ безчисленныхъ приспо-
собленій, изъ плюющей среды, органъ зрѣнія изъ-
ковецъ достигаетъ того совершенства, которое об-
наруживается изъ глаїи сокола или орла. Точно
такое происходитъ и съ другими чувствами, пред-
ставляющими раздѣлъ соответственныхъ дви-
женій широкой пыльчатой ткани, первоначально

обладавшей по всей поверхности одною только осознательной способностью.

Съ развитіемъ чувствъ, дѣятельность приспособленія въ средѣ постепенно расширяется, число воспринятыхъ впечатлений возрастаетъ, и съ этимъ пакинетъ и образъ дѣятельнаго организма. Приспособленіе также становится продолжительное, занимая все большіе промежутки времени. Одновременно съ этимъ расширение по времени и пространству, оно начинать постепенно специализироваться и уединяться, проходя все фазы животной жизни къ достатку наконецъ предѣловъ сознанія. Скажемъ приходить паразитарныхъ звѣйній о птицѣ чувства осознаніе на развитіе понятливости. Оно представляеть какъ бы общий языкъ всѣхъ прочихъ чувствъ, на который предварительно нужно перегадать всѣхъ ихъ впечатлѣній, чтобы они были полезны для организмомъ. Отсюда и происходитъ его значеніе. Попутай сама понятливыи изъ птицъ, и у него больше чѣмъ у другихъ расширеніе чувствъ осознанія; благодаря этому обстоятельству, она умѣетъ многое недоступное для другихъ птицъ, которыхъ не въ состояніи действовать ногами подобно рукамъ. Словъ самое смыщенное изъ четырехъ: разнообразное и искусное приложеніе осознательной способности и получение множества впечатлений, при помощи его удивительно приспособленного хобота, дастъ на-

чало этой смышлености. Семейство попечь по этому самому гораздо ужасе попытавшихъ животныхъ, хотя лопидъ до некоторой степени приближается къ первому въ этомъ отношеніи, благодаря способъ чутокъительности искристымъ тубами. У приматовъ развитіе сознанія и осязательныхъ пределъность идетъ рука объ руку. У самыхъ смышленыхъ человѣко-подобныхъ обезьянъ мы встрѣчаемъ громадное развитіе и тонкость осязательной способности, вслѣдствіе чего открыывается много новыхъ путей въ расширение круга понятій этого животного. Человѣкъ отличаетъ себѣ здѣшнюю, не только вслѣдствіе высокаго развитія осязательной способности его руки, но и громаднаго расширения круга получасыхъ иже извѣстный, помощю разныхъ восприятийныхъ инструментовъ, которые служатъ дополненіемъ къ органамъ чувствъ и изъ членовъ его тѣла.. Величайшее послѣдніе великолѣпно описание у Свенсера. Эта экзальтациія прошлогочшаго ума, о которой я упоминалъ во отложкѣ къ Дарвину, иже миѣ заинтересуетъ, проявляется и у Свенсера. Его концепціи обнаруживаются иногда параллельную силу и значимость; и изъ словъ этого истолковителя разума часто слышится цдохновеніе поэтич.

Это фактъ чрезвычайной важности, что дѣятѣя, которыми первоначально требуютъ громадныхъ усилий, посредствомъ путемъ привычки со-

вершаются почти машинально. Примерами тому может служить ребенокъ, тщь медленно выучивший избуку, и легкость съ которою читаетъ взрослый человѣкъ, при ченъ каждая группа буквъ машинально и безъ всякаго усилия сливается въ егъ умѣньи форму известнаго шутка. Или опять биллардный игрокъ, у котораго, по достиженію ия совершенства въ его искусствѣ, глядя на ручныя машины обнаруживаются божественно чистое согласованіе движений. Или възможность еще прибрѣть музыканта, который пустякъ упражненія достигаетъ возможности воспроизвести въ машинальномъ процессѣ игру столько разнообразныхъ дѣйствий слуха, складки и мышечной силы. Сходная подобное факты съ ученіемъ о письменности мы приходимъ къ теоріи инстинкта. Целенаправленіе только что вылупившайся изъ яйца стонъ не ногахъ, блеаетъ, пиетъ пищу, обнаруживая способность управлять самими движениями для достиженія известной цѣли. Какимъ образомъ онъ заручилъ въсю свою сложную процессу согласованіе движений глаза, мышцъ и клюва? Его никто не обучалъ; онъ не могъ узнатъ всего этого изъ опыта; но онъ пользуется уже готовыми наследственными, опытами. Въ умѣніи движений уже включены всѣ тѣ способности, которыя онъ обнаруживаетъ при своемъ появленіи на свѣтѣ. Такое можно сказать и

объ иметиши члены, уже ранеъ указанножъ на-
ии. Разстоянию, изъ которому расположаются члены
свои членки изъ яицъ уже запечатанныхъ изъ ука-
зываемаго ими организма. Человѣкъ также
унаследовала физическую организацію съвсѣ
предковъ и запечатанный изъ неї разумъ. Малая
степень умственнаго развитія человѣка изъ пер-
вой дѣтства и юности не столько зависитъ отъ
недостаточной опытности, сколько отъ неполного
развитія изъ времіи творчаго мозга. Продол-
жительность времіи, необходимаго для полнаго
развитія, зависитъ отъ расы и индивидуума. По-
добно тому какъ гладкии пух опереніе перво-
ную при первомъ вылете изъ ружьи, такъ и иис-
паша раса изъ періодъ дѣтства можетъ прекратити
потомство высшей. Но исходиши изъ конечной
результатъ догоинетъ ее и остававеть далеко по-
зади себѣ. Что же касается до отдѣльныхъ лич-
ностей, то мы не всегда видимъ, чтобы обнару-
женіе особенныхъ способностей изъ юности всегда
было признакомъ интеллектуальной силы изъ зре-
лой возрастъ и наоборотъ отсутствію способ-
ностей изъ дѣтства часто противоставляется значи-
тельный умственнаги энергіи изъ періодъ зрѣлыхъ
летъ. Нынешнъ изъ дѣтей былъ слабымъ маль-
чикомъ и ничтожъ не отличался отъ своихъ то-
варищей изъ школы; но когда на восемнадцатомъ
году онъ поступилъ изъ Кембридгскій универси-

теть, то онь поражать способъ профессоровъ разрѣшениемъ самыхъ трудныхъ геометрическихъ задачъ. Въ спокойный періодъ его юности, его мозгъ постепенно подготовлялся къ той энергической деятельности, которую онь обнаружилъ впослѣдствіи.

Миріады ударовъ (употребленіе Лукреціевскую фразу) заставляютъ образы и впечатлѣнія пифианаго мира въ формѣ сознанія изъ организмъ, и глаубинъ впечатлѣніе исходитъ изъ зависимости отъ числа ударовъ. Когда же или больше или менѣе происходитъ всегда совѣтство изъ окружающей среды, они происходятъ изъ организмъ однаково глубокія и реальныя впечатлѣнія, тоже неразрывно связанныя между собою. И тутъ мы подходимъ къ великому искрусу. Кантъ, замѣтилъ что онь никакъ же можетъ ослободиться отъ сознанія пространства и времени, принять эти сознанія за «необходимыя формы мысли», въ которыхъ облекаются всѣ наши пифианія созерцанія и которыя принаследуютъ только пам'ять, не имѣя своего объективнаго существованія. Съ неожиданнымъ успѣхомъ и свою ж.-ръ Спенсеръ приводитъ для разясненія этого вопроса теорію наследственности опыта, итъ томъ видѣ какъ онь ее понимаетъ. «Если во пифианѣ среды существуютъ отношенія, воспринимаемыя организмомъ во вѣкъ момента его бытія — отношенія абсолютно постоянныя и универсальныя, то изъ самой организмы должны

установиться рядъ внутреннихъ соотвѣтствующихъ иль отношеній, которая тоже абсолютно постоянныи и универсальныи. Мы избѣгъ подобныхъ отношеній иль понятій о времени и пространствѣ. Киль субстанція (подъладка) избѣгъ прочь отношеній во внѣшней средѣ — она должна избѣгъ соотвѣтствующихъ иль субстратъ и во внутреннихъ отношеніяхъ нашего я. Представляя себѣ познаній и безконечно повторяющіеся элементы избѣгдожъ нашіе представлій, они избѣгнъ, признають автоматической характеръ — иль неподвижно избѣгнъ. — и бинъ становятся постоянными «свармами сокращаній».

Со временемъ, во всѣхъ своихъ приложеніяхъ и обобщеніяхъ здрава «неразрывного сочетанія по-нятій», становится на совершение иную почву, киль Фронтъ Сторгъ Мізль. Онь совершенно отрицаєность, по ткму макию, то ограничение наследственгой передачи опыта, которое засыль Мізль. Это ограничение не признается, что каждый индивидуумъ съ самого начала своего существованія уже пользуется унаследованной опытностью организаціи; оно не признается, что эта способность можетъ проявляться и у разныхъ индивидуумовъ одной расы. Еслибы скрыта въ человѣческому могъ потенциалъ силы не предшествовала его дальнѣйшему опытному развитию, то

собака или кошка были бы не меньше члена способны къ воспитанию. Эти предопределенные внутренние отношения организма изменимы отъ приобретеній личного опыта индивидуума. Человеческій мозгъ представляетъ организованный сюда тѣхъ, бесчисленныхъ имечтливыхъ, воспринятыхъ въ теченіе тѣхъ періодовъ, когда развидалась жизнь, или скорѣе постепенно различались все тѣ прогрессивные ряды организма, которые изменились развернувшись организмомъ человека. Результаты чаще повторявшіи и больше однобразныи даютъ имечтливый передаваціи изъ рода въ родъ, подобно напитку съ наростывающими процентами, и постепенно ведущимъ до того высокаго разумѣнія, которое изъ скрытыхъ состояній заключено въ мозгѣ младенца. Отъ этого происходитъ, что европеецъ наследуетъ отъ 20—30 куб. дюймовъ бѣлье мозгу, чѣмъ пшанище. Отъ этого происходитъ, что изъ вторыхъ способности, какъ напримѣръ музыкальная, которыхъ почти не существуютъ изъ ишешихъ расахъ, являются прирожденными достояніемъ высшихъ. Отъ этого происходитъ, что изъ потомства дикарей, которые не изъ состояній сочтать до числа своихъ пальцевъ и говорить на языки, состоящемъ изъ однихъ именъ существительныхъ и глаголовъ, появляются, изменившись, напр. Ньютоны и Шекспиры».

При своемъ началѣ рѣчи было упомянуто, что мы достигаемъ физическихъ теорій путемъ отвлечения отъ опыта. Будетъ поучительно посмотретьъ съ этой точки зрения на послѣдовательное изложеніе новой концепціи. Теорія о притяженіи и тяготѣніи предшествовали наблюденію притяженія жаждымагнитомъ и—дѣтильѣть предварительно матеріальную питаремъ. Поляризация электрическаго и магнетизма была доступна чувствамъ и съязвилась поэтому осложненіемъ идей, что атомы и частицы обладаютъ противоположными полюсами, взаимодѣйствіе которыхъ дало начало кристаллическому строенію тѣла. Такимъ образомъ молекулярная сила представляется уже спрятавшей силой. При этомъ не потребовалось уже особенной смѣлости мысли, чтобы распространить сильность и на органическую природу, и признать въ молекулярной силѣ действующее начало при образованіи растенія или животнаго. Такимъ образомъ наши опыты даютъ начало концепціямъ, выходящимъ далеко за предѣлы опыта.

Какъ Дарвинъ, такъ и Спенсеръ только слегка касаются вопроса о происхожденіи жизни. Дарвинъ, постепенно сокращая число прародителей, приходитъ, наконецъ, къ одной «первообразной формѣ»; но у него никогда не упомянуто, сколько и во什么, никакъ образовать появилась эта форма. Ось приводить съ видимымъ одобрениемъ слова

одного знаменитого автора и богослова, который «поступало убийством, что наше поиски о Божестве ничего не утратить из своего величия, если мы будем искать, что Промысление создало въ сводѣ первообразныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитию изъ другихъ подобныхъ формъ, а не прибегало къ новому виду творчества, для пополненія тѣхъ проблемъ, которыхъ прошліи отъ дѣйствія его законописи». Мы неизгѣдно можемъ относиться Даринѣ къ подробному загадку о происхожденіи органической жизни. Мы неизгѣдно также—объясняться ли съ актомъ творчества прохожденіе своей «первообразной формы». Но неизбѣжно всплыть вопросъ—«откуда взялась эта форма?». Что касается до скрытия числа перво созданыхъ формъ, то еще изъ этого же видно болѣльчаго выигрыша. Антропоморфизмъ, къ устройству которого, вѣдадимому, стремился Даринѣ, такъ же хорошо согласуется съ созданіемъ первообразныхъ формъ какъ и множества. Тутъ видно не знатость и накогичность. Предѣнами открываются только два возможныхъ пути. Какъ мы должны принять творческій актъ, или отказаться отъ него, радикально измѣнить наше поиски о матеріи. Если мы заглянемъ на матерію съ точки зрения Демокрита и пахъ съ, изъ поколѣнія изъ поколѣніе, опредѣляясь изъ пахъ научныхъ учебникахъ, то сознаніе подпадетъ

невозможности прохождения изъ нея какой бы то ни было формы жизни будешь достаточно, чтобы отдать предпочтение веной другой¹ ипотезы, но определения матеріи, приведенные въ нашихъ учебникахъ, имыли въ виду ея химической и механической свойствъ. Принимнувъ смотрѣть на эти определенія лишь въ совершенно пассивной, мы естественно и пропольно отрицать чудовищное понятіе, чтобы изъ подобной матеріи могла возникнуть какая нибудь форма органической жизни. Но достаточно ли по этимъ определеніямъ? Все зависитъ отъ отъѣта на втотъ вопросъ. Просмотрите наша лекцію жизни и посмотрите какъ она все болѣе и болѣе приближается къ тому, что мы называемъ чисто физическими состояніемъ. Мы достигаемъ конецъ организовать, которыхъ я упомянулъ маслянымъ каплю, опущеннымъ въ водный растворъ альголия. Мы достигаемъ ргобера Гекеля, въ которыхъ мы избѣзть типъ «отрывавшійся отъ кусочка альбумина только его можно вернуться строеніемъ». Мы раздѣляемъ жилицы, и находить по дни полюса въ каждомъ обломкѣ. Мы продолжаемъ процессъ дробленія, пока бы ни были мы эти частицы, каждая изъ нихъ удерживалась, хотя изъ слабѣйшей мѣръ, полярныя свойства цѣлаго. И когда уже дальше нельзя идти, мы продолжаемъ въ своемъ изображеніи это движеніе до поларитета молекулъ. Развѣ

мы не чувствуемъ влченія поступить точно такъ же образомъ и при разсмотрѣніи вопроса о жизни. Отказавшись отъ всякаго притворства, я долженъ откровенно признаться вамъ, что я простираю свой взоръ назадъ до исходной точки опыта моего извода и спытываю изъ этой самой интонаціи, которую мы имъ имеемъ, первоисточникъ и конкретишу нашему норужному благоговѣнію предъ ею. Творческіе предрассудки поруганы, начато и спирнуто силу вѣтъ позадиныхъ проектовъ и форы жизни.

«Матеріализмъ» таразованый изъ этихъ еловыхъ можетъ быть соединять не толькъ, какъ мы предполагаете, и потому и буду просить нашего синхронительного вниманія до конца. «Вопросъ о бытии и о мірѣ», говорить Дюпль Стюартъ Милль, «быть всегда помѣщать борьбу метаморфозъ»^{*}). Самъ Милль сводитъ себѣ вѣтнаніе явленія изъ понятію о «доступности чувству». Кантъ, какъ уже мы видѣли, признаетъ пространство и время только «форами» нашихъ созерцаній. Фихте, доказывая сперва непреклонную логикою своего разума, что онъ не больше какъ живъ въ той цѣли именыхъ причинъ, которая охватываетъ всю природу, самъ разорвалъ эту цѣль, увидѣвъ въ природѣ и всемъ унаследованномъ ею только отраженіе

*} „Examination of Hamilton“, p. 164.

своего собственного ума⁴⁾). И оспаривать такой
пунктъ далеко не легко. Потому что когда я го-
ворю, что таку есть и что я тъ этомъ никакъ
не сомнѣваюсь,—отвѣтъ можетъ быть, что это со-
заніе не болѣе какъ результатъ разстройства глаз-
ной ретини. И если я буду утверждать, что я
могу пропасть мое зрѣніе приспособиться къ
нимъ, живъ отрицать, что я съмъ вынужнъ искать
предѣлы факта; потому что въ дѣйствительно-
сти спасенію при этомъ не приведутъ наше, но
только избѣжное сопротивлѣніе ручнѣть первое.
Все что мы видимъ, слышимъ, пачеши и об-
щаемъ,—смысль,—можетъ быть замѣнена ть
условіемъ нашего организма, за предѣлы которыхъ
мы не можемъ выйти икъ на волосъ. Что въ
нашъ самихъ дѣйствительно существуютъ предѣ-
ла соответствующіе нашимъ впечатлѣніямъ — не
фактъ, но фактъ, заскакъ основательность кото-
рого была бы отвергнута идеалистомъ подобныемъ
Вергили, или скептикомъ подобныемъ Юму. Спен-
серъ садауетъ другимъ шутка. Для него, живъ и
для всякаго человѣка, существованіе нынѣшняго
мира не подлежитъ никакому сомнѣнію, но онь
расходитъ съ живицемъ подобнаго человѣка, когда
тотъ предполагаетъ, что миръ дѣйствительно та-
кой, какимъ онь намъ представляется изъ нашей

⁴⁾ „Bestimmung des Menschen“.

сознания. Въчно изменяющіяся состоянія сознанія нашего—не болѣе какъ смислы извѣшникъ предметовъ, которые ихъ возбуждаютъ и опредѣляютъ порядокъ ихъ съединеній, но истинную природу которыхъ мы никогда не узнаемъ. Въ действительности весь процессъ постепенного развитія представляеть проявленіе силы, абсолютно недоступной пониманію ума человѣческаго. Такой бесчувствіиша какъ и изъ дни юла будуть въ старинѣ человѣка разгадать эту силу. И такъ мы видимъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса, что развитіе жизни, дифференцированіе видовъ и постепенный ростъ разума иго ихъ первоначальныхъ элементовъ, покрыты неразгаданной тайной, скрывающейся въ безконечной отдаленности прошлаго. Во всемъ этомъ, кажется, не видно пока трубы материализма.

Сила теоріи постепеннаго развитія заключается не въ подтверждении ея опытными наблюденіями (потому что доказательства подобнаго рода врядъ ли примѣнимы здѣсь), но въ ея согласованіи съ извѣстными пока методами самой природы. Кроме того, вслѣдствіе уже одного контраста съ другими, она приобрѣтаетъ громадный выигрышъ въ себѣ. Съ одной стороны мы извѣняемъ теорію (если она можетъ быть такъ названа) находившую подобно ученіямъ, о которыхъ мы упоминали въ началѣ этой рѣчи, не изъ наблюденія природы, по-

иъ наблюденій надъ человѣкомъ,—теорія, которая представляетъ себѣ могучую силу, проявляющуюся во всей видимой природѣ, тѣ образы человѣко-подобнаго работчика, дѣйствующаго съ перерывами труда подобно человѣку. Съ другой стороны, передъ нами концепція: — что все видимое и все что мы чувствуемъ въ себѣ,—т. е. явленія физической природы и явленія умственныхъ,—имѣющія свое начало въ восприяченіи жизни, безвозвратно изнывъ отрывъ отъ которой только доступенъ наслѣдованию человѣка. И даже этотъ отрывокъ недоступенъ намъ вполнѣ. Мы можемъ прослѣдить развитіе первой системы и соопоставить при этомъ параллельныя явленія зреенія и мысли: и мы видимъ, что они несомнѣнно идутъ рука обь руку; но вскаки попытки разъяснить существующую между ними связь становятся выше нашихъ силъ. Тутъ очевидно требуется Архимедова рычагъ, котораго у насъ нетъ подъ руковою; и всѣ старанія разрѣшить эту проблему, уподобляются, по картинному выражению одного моего знакомаго друга, пошиткамъ человѣка, который хочетъ поднять самого себя. Все сказанное мною стѣдуется понимать въ связи съ събывающей основной истиной: когда мы говоримъ о «зарождающемся сознаніи», о «дифференцированіи ткани, первоначально способной только къ пассивному опущенію во всей своей поверхности», и одновременно съ

этими процессами разматриваемъ «изменение организма подъ влияниемъ окружающей среды» — мы подразумываемъ тутъ же параллельно въ ходѣ всѣхъ этихъ процессовъ бѣзъ малѣйшаго между ними соприкосновенія. Между этими двумя группами выходитъ слитіе невозможное — ужъ человѣскѣ еще не обладаетъ тонкимъ движущимъ спиромъ, которымъ въ состояніи были бы перенести ею, бѣзъ разрыва, цѣлыи логического выхода, отъ одной изъ этихъ группъ въ другую.

Дальѣ, учение постепенного развитія производить человѣка, и, членъ его цѣлосты, отъ взаимодѣйствій организма и окружающей среды, вирѣженіемъ бесчисленныхъ членъ прошаго. Самъ человѣческій разумъ, способность котораго Спенсеръ съ такими искусствами приблизить къ изслѣдованію ея же собственнаго происхожденія, представляетъ то же результатъ взаимодѣйствій организма и иныхъ окружающихъ, въ теченіи космическихъ пріодовъ времени. Самъ разумъ является тутъ связью краснорѣчиваго одноватанія своего праца даниости. Но мы видимъ въ человѣкѣ кроме его разума еще много другихъ производствъ, обладающихъ неменьшимъ правомъ на полноту существованія. Напримеръ, сопраніе сладости сахара и горечи язвы, или разница въ запахахъ розы и былени, то же предстаиваетъ результатомъ взаимодѣйствія организма и окружающей

среды. Весь эти проявления сознания (которые, наверху и до сихъ поръ надлежашимъ образомъ не объяснены) также стяры какъ и самый разумъ; и можно увидеть на множествѣ другихъ явлений, явлюющихся такое же древнее происхождение. Спешить укаживать на одножъ истина на саму сплошную изъ всѣхъ страстей — глобое влечение, первыхъ проявленія которой не обусловливаются никакими предшествующими воспоминаніями.. Мы видимъ проявъ то еще другія формы сознанія сильныхъ съ существомъ человѣка, какъ напр. чувства боли, блаженства, удовольствія и не одну только плотскую любовь, о которой мы сейчасъ говорили, но любовь прекраснаго какъ физического такъ и практическаго — изъ природы, познаній и искусствъ. Мы видимъ еще одно глубоко изображенное чувство, которое есть самаго разительта исторической жизни народа и по сеймъ вброптию въ докторицескія времена, поплотилось изъ религіозныхъ избраний мира. Вы, стоящіе на землѣ именія, можете смотрѣть съ улыбкой скептической на эти религіи; но спрашивайтъ папу только посвященія случайностей форума, они не проникнуть до незыблемыхъ основахъ того религиознаго чувства, которое тянется изъ практической природы человѣка. Дать надлежащее удовлетвореніе этой потребности составляетъ одну изъ величайшихъ задачъ нашего времени. И какъ по-

уродливы кажутся при сопоставлении съ научной культурой, многие изъ прошлыхъ и настоящихъ религій міра, какъ неспасны были они, и какъ не стремятся быть такими въ настоящее время, для съмнѣй дорогихъ привилегій свободы,—рассудокъ требуетъ признания ихъ какъ прошлой силы... способной подъ руководствомъ просвещенной мысли привести къ саммѣтъ возвышенныхъ результатовъ, изъ принадлежащей ей сферъ нравственного чувства... Такимъ образомъ уже положено въ міръ, и будетъ проявлять его все баже и баже. И таъль ужъ зѣтъ причинъ къ опасенію изъ этого счета. Мы видимъ побѣдителями изъ борьбы среднихъ вѣковъ: чего же наше опасаемся за входъ въ изъ памятія времія?.. Каждая система, которая желаетъ избѣжать судьбы организма, трудно приспособляющагося къ условиямъ окружающей среды, должна бытьистолкно пластична, насколько это потребуетъ развитіе знанія. Когда ять истинѣ будуть основательно понятія всѣхъ, тогда будетъ баже турпности и менѣе замкнутости изъ понятіяхъ; то чѣмъ кажется теперь существеннымъ будуть оставлено, и отвергнется теперь возвращеніе—усвоены большинствомъ. Возникненіе жизненнаго уровня составляетъ главную сторону задачи; и если только будетъ устраниено заложенное фантизмъ и итерпности, то найдется много источниковъ для достиженія этой цѣли. Сама

наука нерѣдко починаетъ силу иъ источниковъ де-
жущемъ заъ ея предыдами. Юель говоритъ, что
антузіазмъ оказываетъ вредное влияніе въ науки;
но сюзъ подразумбываетъ антузаціи слабыхъ умовъ.
Существуетъ антузаціи соединенный съ умствен-
ной силой, въ которомъ науки встрѣчаютъ союз-
ника; и въ угараніи этого внутрен资料ого огня, а
не умственныхъ способностей, слѣдуетъ искать пра-
чину уменьшения производительности людей нау-
ки въ ихъ преклонномъ возрастѣ. Божъ отри-
цааетъ участіе правственной силы въ побѣдахъ
разума. Это сераское заблужденіе: неведомы были
бы автозаводы разумъ безъ этого стимула право-
ственной силы.

Утверждалъ что наука удаляется отъ литературы: такое поистіе, подобно многимъ другимъ,
происходитъ отъ недостатка знанія. Одніи крат-
кіѣ обзоры популярныхъ сочиненій передовыхъ
представителей науки,—ея Гельмгольца, ея Гюкали
са Дюбуа-Реймонда, показываютъ какою литерату-
рною образованностью они обладаютъ. Кто между
съвременными писателями можетъ пройти ить
поэзій и яспоти литературного языка. Наука же
стремится къ замкнутости, но всегда готова при-
соединиться къ каждому усилию для улучшенія быта
человѣка. Непостижимая инициативъ съчувствіемъ,
но воодушевленная своею внутреннюю силой она
создала пока одно крыло того громаднаго зданія,

которое должно удовлетворить нуждамъ всего человечества. И если грубыя стѣны его и отсутствіе крыши обнажаютъ, что постройка еще не до кончена, то мы должны помнить, что только при накрашаніи соединеній всевѣхъ частей со стѣнами уже законченными неизбѣжно, мы можемъ достичнуть гармоніи и цѣлості во всѣхъ его частяхъ. И не между антагонизмомъ между результатами уже добитыми умозъ человѣка и тѣмъ, что ему предстоитъ еще совершить въ будущемъ.

Я приближаюсь къ концу. Всё сказанное здесь сегодня, при большемъ достаткѣ времени, при большемъ запасѣ силъ и знаній, я могъ бы выразить лучше; при чистъ многихъ достойныхъ книжинія предметы, ощущенные мною, были бы изложены достойнѣе ихъ образомъ; но вскорѣ моя осталась бы все тѣже. Что касается лично меня, то вскорѣ эти укоренились во мнѣ не со вчерашніхъ дній; что касается до чистъ, то намъ должно быть хорошо известно то злѣніе окружающей среды, которое, можетъ быть помимо воли нашей, охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ и къ требованіямъ котораго имъ неизбѣжно должны приспособить свою склонности. Гамлетъ замѣтилъ извѣдѣть можно избавиться отъ тревоги сіїхъ этой жизни; и мы действительно можемъ пушить такой умѣтливый попой цѣлою умственной жизни. На свѣтѣ существуютъ отдельники такого рода; путь же

достатка и въ людяхъ, которые ищутъ себѣ такого убийца и стараются улечь за собою другихъ. Я столь бы убѣдить въѣ отвѣтствия отъ такого убийца, пренебречь такимъ ужасительнымъ по-коемъ, предпочтеть, еслибы взятъ предстоять обязательный выборъ, динаміе—растяну, стремление потока — тишину болота. Въ первыхъ иль въѣ звялюченіи жизни и съдовательно надежда: въ послѣдніхъ—ни того, ни другаго. Я затронула спорные вопросы и поѣхъ на овсную почву, съ цѣлью высказать вѣть, а черезъ вѣнь и вскаку сѣбу, что по отвѣтствію къ этимъ вопросамъ наука должна пользоваться правою свободнаго изслѣдованія. Напрасно вы будете говорить мнѣ, что Лурцей и Бруно, Дарвинъ и Спенсеръ могли ошибаться; я согласна съ вами, что взгляды иль подвергнутся изменениямъ. Но суть дѣла звялючается въ томъ что, ошибочны или иѣровы эти всѣрвнія, мы ровною случай пытаемъ полное право обсуждать ихъ. Они находятся въ предѣлахъ науки, и отставшеею ими право замечателно страдальческимъ учениковъ науки иъ темнѣка, когда они одерживали во имя ея свои бессмертныя победы на пользу всего человѣчества. Рядомъ съ проходившимъ въ человѣкѣ стремлѣніемъ къ знанию, и претавлю и лѣчимъ требованіемъ скрытаго въ его природѣ ~~и~~ существа, которыхъ не въ состояніи удовлетворить одно знаніе. Миръ заню-

чаетъ въ себѣ не только Ньютона, но и Шекспира—
не только Бойля, но и Раэасда—не только Канта,
но и Бетховена—не только Дарвина, но и Кар-
лейля. Мало того, что въ каждой изъ нихъ от-
такъ и во всѣхъ житыхъ явствуетъ, мы видимъ
человѣческую природу во всей ее цѣлости. Понятіе
объ однозначности исключаетъ другаго, они
не противоречатъ, но взаимно дополняютъ другъ
друга. И если умъ человѣческий все еще неудо-
вѣсторенный съ тѣмъ непредвидимыемъ влеченіемъ,
которое такъ теснѣтъ путь изъ родину дому,
будетъ обращаться къ тайнѣ, изъ которой скрыто
его происхожденіе, стремясь держать въ своемъ
толкованіи ея единство мысли и вѣры, то... и готовъ
утверждать, пренебрегая всѣми ограниченіями ма-
теріализма, что здѣсь открывается самое благо-
редное покрище для дѣятельности той внутрен-
ней силы, которую въ отличие отъ созидающей,
мы можемъ надѣять инерційскою способностью человѣка.
Здѣсь однозначно и должно понимать тему,
превышающую моя силы, но которая несомнѣнно
будетъ составить предметъ изслѣдованія вышесказанныхъ
Умѣть въ грядущѣ вѣки, послѣ того какъ вѣкъ мы,
подобно обрывкамъ утренняго облака, исчезнемъ
въ безконечной ламури прошлаго.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
,ДѢТСКОЕ ЧТЕНИЕ"
(ГОДЪ СЕДЬМОЙ)

вредить выходить из предшеств. 1875 года, на прежнихъ основанияхъ, касательными книжками подъ титулъ редакции и при прежнихъ сотрудникахъ, какъ въ текущемъ.

Журналъ Д. Чт. одобренъ Министерствомъ Народного Просвещенія для библиотекъ начальныхъ и уездныхъ училищъ и женскихъ гимназій Глазг. Тирасп. Волинно-Черкас. заведений для возрастныхъ библиотекъ уездныхъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій IV отдѣлѣніе Собственности Его Императорскаго Величества Канцеляріи для классныхъ библиотекъ женскихъ учебн. заведеній и Учебныхъ Комитетовъ при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ епархій.

Годовъе податки: ежемѣсячнъ болѣе 60 печатныхъ листовъ и до 40 отдельныхъ рисунковъ, красн. рисунковъ изъ текста.

ЖУРНАЛЪ ВЫДАЕТСЯ ПО СЛЕДУЮЩІЙ ПРОГРАММѦ:

1. Небольшие поэты и разсказы. Очерки изъ народной жизни и быта прошлыхъ временъ. Биографіи.
2. Статьи по естественной истории. Налегкѣ природы. Путешествія.
3. Техническіе производства и промислы.
4. Игры, задачи, занятия и проч.

Приложение: Педагогический Листокъ (для родителей и воспитателей), по программѣ, близкѣй къ программѣ другихъ педагог. журналовъ. Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и лѣтакъ книга уѣдомлена значительное място.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНИЕ выходитъ ежемѣсячными выпусками въ объемѣ не менѣе 5 печатныхъ листовъ съ рисунками въ тонахъ и отѣльными картинками. Педагогический Листокъ выходитъ 4 раза въ годъ виножными въ 5 листовъ.

ПОДИССАЛ ЦЪНД:

Безъ доставки	3 р.
Съ доставкою	3 + 60 к.
Съ пересыпкой	3 + 60 *)

Листа, жалюзіи издаются Педагогической Листокъ, находящій при Д. Чт. четыре раза въ годъ, благоволить прилагать вышеуказанный подписаній членъ одинъ рубль.

Листокъ Чтыкъ за 1869, 1870 и 1871 года все распродано.
Годовое изданіе Д. Чт. за 1872, 1873 года продаются какое не найд. цѣны:

Ба оберть 3 р., въ папкѣ 3 р. 60 к., въ переплѣтѣ 4 р. 60 к.

Сверхъ того прилагаются за пересыпку вѣсовыя по разстоянію (1 коп. за 1 ф. и 100 верста) за извозчила за оберть за 6 ф., въ папкѣ и переплѣтѣ за 7 ф.

ПОДИССА ПРИНИМАЕТСЯ:

г. С.-Петербургъ—ъ Русской Книжной Торговли: Невск. пр., д. Арианской деревн, № 42, противъ Гостинаго двора

*) За указку 15 коп., почтовые расходы 60 коп.